

Двуликие. Ведьмино пламя

Автор:

Яна Демидович

Двуликие. Ведьмино пламя

Яна Демидович

Что бы вы сделали, если бы узнали, что ваш отец – тайный чёрный маг, путешествующий по мирам? И, что ещё хуже, он хочет использовать злую силу, которая вот-вот в вас пробудится?.. Шестнадцатилетняя Дайана, не желая творить зло, бежит из дома, но по воле судьбы попадает в другой мир. Замки и бароны в нём – пережиток давнего прошлого. Днём здесь господствуют люди, а ночью – вампиры. Дайана быстро находит себе неприятности... и случайного проводника – язвительного вампира по кличке Двуликий, который нехотя соглашается научить её выживанию в новом мире. Однако Дайана ещё не знает, что главным врагом для неё станет она сама...

Яна Демидович

Двуликие. Ведьмино пламя

Пролог

...В студёном воздухе пахло рекой. Жареной рыбой, завернутой в напитанную свинцом газету. Вязкий, как гороховый суп, туман стелился по набережной и с деликатностью опытного карманника обшаривал прохожих. Резво стучали красные каблуки, неспешно ударяли мостовую тросточки из слоновой кости. Над шляпами жеманных красавиц бешено качались страусиные перья – возмущённые так же, как их хозяйки. А пажоны в отпаренных уютном цилиндрах подносили к

личикам своих дам надушенные по-модному платки: не стоит им вдыхать плебейский, прилетевший с той стороны запах...

Гроыхали конки и кэбы, от мюзик-холла доносился визгливый смех. В окнах непрестанно шевелились портьеры: костлявые руки выставляли на обозрение матово-белые, таинственно мерцающие шары – и любители спиритических сеансов летели на их свечение, словно безмозглые бабочки. Странные, бледные личности ныряли в лавки экзотических товаров, чтобы вынести оттуда баночку Срединновековой краски, древесную лягушку, застывшую в янтаре, который при свете луны и газовых фонарей...

Стоп.

Больше не газовых.

Дориан остановился и окинул взглядом возникший на пути фонарь. Он горел блёклым, затухающим светом и, судя по всему, готовился с минуты на минуту отдать душу богу электричества.

Но вдруг фонарь поднапрягся. Мигнул. И стал гореть сильно и ярко.

Дориан усмехнулся. Подмигнул фонарю и продолжил путь.

Слабая тень побитой шавкой волочилась у его ног. Пульс, что мгновение назад затухал, точно фонарь, опять бился в запястьях.

Дориан шёл по городу, полной грудью вдыхая сентябрьский воздух. И всё думал. Думал...

Этот город.

Он помнил ромманов, одетых в пурпур и металл, и галеры, гружённые вином и оливковым маслом. Помнил франтов и мотов, извозчиков с красными, обветренными лицами и сорванными голосами... Заливных угрей и пироги с патокой, обязательный ростбиф на каждый воскресный ужин...

А ещё: забастовки и демонстрации, потогонные фабрики и конных полицейских с клинками, вложенными в трости. Окна, забитые мешками с песком, и расколотые надвое дома, налёты цеппелинов и пронзительный вой сирен воздушной тревоги...

Да. Город выиграл многие битвы за Альбию.

Но проиграл всего один бой за него.

Дориан мрачно улыбнулся, провёл рукой по жёстким, свинцово-чёрным волосам.

А ведь город помнил его ещё растрёпанным, востроглазым мальчишкой. Настоящей грозой голубей...

Он замедлил шаг, вынул из кармана тканевый мешочек, набитый сушёным горохом. Взвесил в руке. Потом – вытащил часы-брегет и, откинув крышку, взгляделся в лунно-белый циферблат.

Превосходно. Он всё успеет. И на Обелиск, и на Гибралтарскую площадь. Просто покормить голубей. Просто попрощаться.

Он шёл сквозь ночь, и холодный ветер приятно обдувал его лицо. Когда-то, в далёком одна тысяча шестьсот шестьдесят шестом, этот ветер, воздух, в секунду сжигал лёгкие. От земли исходил такой жар, что дымились подошвы, лопались кожа и глаза...

В память о чудовищном Пожаре и поставили Обелиск, с высоты которого можно было и теперь, в двухтысячном году, обозреть весь Линдо.

Шаги непроизвольно ускорились.

Триста сорок пять ступенек чёрного мрамора. Он преодолает их в четыре прыжка. Взберётся на самый верх, где темнеет железная сетка. И в последний раз вобьёт в память панораму когда-то любимого города. А потом...

Звездой лежать на белом, точно молотая кость, песке. Дремать под уютный рокот волн, что накатывают на берег. Потягивать через соломинку кровь

знаменитой Мэри... И ждать, пока солнце, наконец, выжжет из него все эти ливни и туманы.

Он променяет Печальный Остров на Счастливый Континент. Без труда найдёт уголок, свободный от аборигенов и туристов – кенгуру и коалы не в счёт. Пальмы сменят фонари.

Это будет славное одиночество. Такое заслуженное, такое выстраданное, и...

Тот, кто однажды сыграл в ящик, больше не пугается внезапных шагов за спиной.

Однако Дориан заставил себя вздрогнуть и запоздало обернуться.

Позади него, поигрывая ножом в руке, ухмылялся рыжеволосый детина.

– Здорово, Джек.

Ох уж эта альбийская привычка обзывать незнакомца «Джеком»...

– Прошу прощения? – вскинул бровь Дориан.

Глаза рыжего нехорошо блеснули.

– Потроши карманы, Джек! Или я буду потрошить тебя, – зловеще пригрозил он.

– Нет-нет-нет! Я всё отдам!

Рыжеволосый не отличался сообразительностью. Покладистость «жертвы» быстро расслабила его. Он убрал нож и начал разглядывать передаваемые ему ценности: серебряный брегет с печальным солнцем на крышке, толстенькую пачку цветных банкнот и металлический кошелёк, в котором лежали плотно притиснутые друг к другу монеты.

– Неужто соверены? – прищурился вор и гоготнул, поверив своей удаче. – Они! Точно они!

– Дедушкин запас... Семейная драгоценность... – печально вздохнул Дориан. – Быть может, вы оставите мне хотя бы...

– И не мечтай! – сразу рявкнул рыжий, агрессивно шагая к нему. Внезапно протянул руку и по-хозяйски взялся за воротник его пальто. Пробуя ткань, пропустил между большим и указательным пальцами.

– Классное пальтишко... И как раз мой размерчик... – облизываясь, приговаривал рыжий. – Э, а тут у нас чего?

Рука скользнула к нагрудному карману рубашки, что виднелся в расстёгнутом пальто. Ухватила кончик сероватой бумаги... И вытащила билет на пароход.

Рыжий разглядывал находку, и губы его мало-помалу растягивались в злобной ухмылке. Он поднял взгляд.

– Остралия, значит?

– Прошу вас отдать...

– Удрать захотел? Кинуть старушку Альбию?

– Кажется, это лишь моё...

– Никуда не удерёшь. Тут околеешь!

Вор скомкал билетик и, размахнувшись, кинул его за парапет – прямо в чёрную, как нефть, воду.

Но...

Неуловимое движение воздуха – и Дориан аккуратно уложил разглаженный билет обратно в карман.

У вора отвисла челюсть.

– Чего... Да как...

– Легко и просто, приятель.

– Фокусник чёрттов, да я тебя... – выхватив нож, рыжеволосый двинулся на Дориана...

...И тот улыбнулся, впервые показав зубы.

Парень резко шарахнулся назад. Потом – неуверенно засмеялся.

– Ну ты придурок... Ночь Всех Святых ещё через...

– Уверяю тебя, они не пластмассовые, – шире прежнего улыбнулся Дориан. В свете фонарей в улыбке блестели острые, собачьи клыки.

Вор отчаянно замотал головой.

– Нет, это не кошмар, – спокойным, будничным тоном сказал Дориан, прочитав полные страха мысли. Тень его быстро съёживалась, пропадала. Пульс затухал, бился всё медленней, будто кулак умирающего в запертую дверь.

Дориан шагнул вперёд – абсолютно бесшумно. С лица рыжего вора схлынула последняя краска, только веснушки остались на мясистом носу. Вор завопил раненым кабаном – и кинулся в атаку.

Поворот, неувовимо быстрый рывок...

Жалобно звякнув, лезвие отломилось у основания и полетело на землю. Хрустнула кость. Следом раздался истошный, почти женский вопль.

– Не дёргайся. Всё моё добро растеряешь, – Дориан выкрутил запястье вора ещё сильнее, поудобнее перехватил его – и потащил в тёмный переулок.

Под ногами хрустели мышинные скелетики, мерзко чавкала пахучая грязь. Мимо, оглушительно вопя, то и дело пробежали облезлые кошки. Найдя подходящее местечко, Дориан кинул дрожащего парня меж двух мусорных контейнеров и присел рядом.

– А теперь – немного воспитательной работы, – дружелюбно улыбнулся он, устремив на жертву немигающий взгляд. – Как же тебя угораздило, а? Напасть на джентльмена, обокрасть...

– Возьми! Возьми всё обратно!.. – прохрипел незадачливый вор, лихорадочно опустошая карманы. – Вот! Я больше не буду! Это был первый...

– Первый раз? Неужели? – перебив, насмешливо прищурился Дориан и чуть подался к нему. У парня вмиг затряслись губы. – А та старушка на Фортобелло? Она была похожа на королеву-мать! И как у тебя хватило совести?

В горле у парня что-то пискнуло. Дориан зло и весело оскалился, склонил голову на бок. Перед внутренним взором зажглась новая картина: юный очкарик с разбитыми в кровь губами, крошево зубов на мостовой...

– А тот модник с Варнабе-стрит? Которому ты живописно расквасил физиономию? Ты выпотрошил его до последнего пенни!

– Я всё тебе отдам! Всё-всё!.. – немедленно заголосил парень и начал метать из карманов награбленное. – Забирай и отва...

– Мне это не нужно, – презрительно перебил его Дориан. И протянул руку, отчего парень задохнулся и попытался отползти подальше. – Всё... что мне нужно... – медленно проговорил Дориан, – ...это глоток старого... доброго... альбийского... гемоглобина.

Холодный палец безошибочно ткнул вену, что билась на шее. Парень побледнел до зелени; на джинсах стало расплзаться постыдное пятно. Запахло переработанным пивом.

...А ведь и такое отребье дома кто-то ждёт, с неожиданной досадой подумал Дориан. Какая-нибудь несмышлёная дурочка волнуется за него, греет ему

постель... Нянчит пискливую малышню...

У него самого давным-давно не осталось любимых.

– В паре кварталов отсюда плутает девчонка! – внезапно проорал вор, грубо прервав его размышления.

Что-то врезалось в плечо, хлестнули длинные волосы. Вспыхнуло и пропало искажённое паникой лицо.

– Я покажу! Возьми себе её! Её, не меня!..

– Так-так... Надеешься на смену блюд? Не выйдет, приятель, – усмехнулся Дориан, легонько щёлкнув пальцем дрожащий кадык парня.

Мысленный образ мигом потонул в красной вспышке страха.

– Пожалуй, хватит разговоров. Дай-ка я тебя уку...

– Мя-а-а-а!.. – сбоку с противным воплем метнулся кот.

Дориан невольно проводил его взглядом, а когда вновь посмотрел на жертву, увесистая деревяшка с кривым гвоздём уже летела напрямик ему в лицо.

Он увернулся и отскочил. Жертва, которой захотелось жить, заорала не хуже кота и напала снова. Импровизированная дубинка проехала на волосок от головы, но...

Пальцы правой руки, мелькнув в воздухе, переломили крепкое дерево, словно птичью косточку. Левая рука, сжатая в увесистый кулак, ударила щетинистый подбородок.

Вор, отправленный в великолепный нокаут, врезался в контейнер, обдав пальто Дориана дождём картофельных очистков. Дёрнулся всей тушей – и наконец успокоился на холмике из отбросов.

– Какие мы нервные. И пошутить уж нельзя, – укоризненно цокнул языком Дориан.

Он подошёл ближе, задумчиво наклонился, разглядывая обмякшего вора, его открытую шею. Вена трепыхалась на ней подышающим червяком. Притягательная. Чёткая...

Дориан выпрямился. Лизнул разбитые костяшки – и тут же сплюнул: не время для крови. Совсем скоро наступит рассвет.

Дориан отряхнул пальто, переступил через бесчувственное тело и пошёл к выходу из переулочка.

...Обелиск уже высился вдалеке. Пульс победным маршем стучал в висках и запястьях, а улыбка удовлетворения растягивала губы.

Предвкушая последний рывок, Дориан насвистывал «Боже, храни Королеву!» и представлял себе пальмы, когда воздух резанул крик. Тонкий, отчаянный.

Дориан остановился.

Словно удар в плечо. Кто-то врезался в него и отскочил в темноту, хлестнув напоследок волосами.

«В паре кварталов отсюда плутает девчонка!...»

Ну, плутает. Ему-то какая разница? – передёрнул плечами Дориан, продолжая путь.

Новый крик.

Остановка и растущее раздражение.

Кричит. Да подумаешь! Может, крысу увидела. Может, на кого наткнулась. Если на того, о ком он подумал – скоро перестанет кричать...

Рука машинально скользнула в карман. Вытащила отцовские часы.

Солнце на крышке смотрело уже не печально. Сурово.

...Девчонка определённо была везучей. С размаху влететь в самый густонаселённый вампирами район, да наверняка с таким пульсом, что словно аудиореклама привлечёт к ней толпы кровососов-покупателей. Если только...

Дориан сердито тряхнул головой.

«С каких это пор ты занимаешься благотворительностью?!»

Прошное должно оставаться в прошлом.

Дориан не глядя сунул часы обратно в карман...

...И почувствовал, как серебро чуть обожгло ему пальцы.

Дориан сжал кулак. Вздохнул.

И повернулся туда, откуда донёсся крик.

Глава 1. Битва в сердце бури

В тот день гроза пришла с юга.

Хищные тучи настигли солнце, и оно исчезло, побледнев до мертвенной белизны. Голодным волком заворчал ещё далёкий гром. Ветер сорвал капюшон, заставив чёрным флагом взметнуться волосы, и холодный поцелуй дождя мимоходом коснулся кожи.

Всадник смахнул каплю с лица. Прищурился, разглядывая небо...

«Глуп тот, кто хочет обогнать бурю», – рассеянно подумал он. И сразу улыбнулся.

– Держись, Блейк. Скоро домой, – ободряюще сказал всадник, хлопнув по шее усталого коня. На руке вспыхнул перстень-печать с изображением атакующего ястреба.

Словно обретя новые силы, косматый жеребец встряхнулся и рысью двинулся вперёд.

Гроза неслась по пятам, густо-лиловым расцвечивала небо. Дебри сменялись прогалинами, прогалины – дебрями; каждая колючка на чёрных, как свинец, ветвях блестела нешуточным остриём, рвала и без того потрёпанный плащ. Всадник улыбался, поблёскивая серо-стальными глазами... И продолжал продираться всё дальше и глубже в лес.

Вот буря обогнала, торжествующе взревел небесный зверь. Дождь прекратил нежничать и ударил в полную силу; вихрь поднял с земли опавший цвет терновника и, гудя, понёс его всаднику в лицо. Он пригнул голову, защитил глаза рукавом...

А когда убрал руку – на пути уже стояла ведьма.

Секунда, чтобы достать лук. Вторая – чтобы зарядить. Третья – выстрелить.

...Не было второй секунды.

Всадника вырвало из седла, тряпичной куклой ударило о влажную землю. Пролетев по воздуху, струя тёмного пламени накинута на лук, упавший рядом. Конь отшатнулся, задирая голову, бешено всхрапнул – и, ломая собой лес, удрал куда-то в темноту.

– Беги, сэр Джеймс... Беги вслед за ним... И, быть может, я тебя пощажу... – улыбнулась ведьма, опуская руку, изрисованную краской из вайды.

Джеймс медленно поднялся. Ведьма смотрела в упор; лицо её – не молодое и не старое – украшали синие завитки, те же, что и на руках; на шее висели

пугающие бусы: ровно десять желтоватых, зазубренных по краю клыков на простой нитке – не волчьи, не медвежьи клыки...

Джеймс повёл плечами, пнул почерневшие останки лука.

– Вряд ли Двенадцатая сестра Моргейны, ведьма Красного Котла, окажет мне милость, – произнёс он, вытаскивая из ножен меч. – Или ты так ненавидела одиннадцать предыдущих, что решила отпустить их убийцу?

Ведьма оскалилась. И одним движением порвала драконьи бусы.

Клыки рассыпались, с чавканьем вошли в податливую грязь...

А спустя удар сердца – дали урожай.

Ливень забарабанил по чёрным доспехам, ударил в тусклые, как у мёртвой рыбы, глаза. Десять воинов – вооружённых до зубов и с зубами дракона – вытянулись из почвы, чтобы окружить Джеймса кольцом.

«Так близко от дома. Так близко».

Мысль вспыхнула, погасла, смылась дождём...

И Джеймс кинулся в атаку, бешено крутя над головой меч.

– За принца Артуриана!

...Удар за ударом, скрежет лезвия о лезвие. Умелые, небрежно ленивые движения драконьих воинов. Ведьму не достать – слишком далеко – а вот его уже достали и справа, и слева, по кожаной куртке струится не только дождь.

Череда деревьев – и Хокклоу возвысится над ним. Такой неприступный, мрачный... Давным-давно миновало время, когда возле этого замка шла кипучая жизнь. Но камень всё не трескался, не поддавался ни ветрам, ни бурям, а войны и мор обходили его стороной...

Лезвие рассекло плечо, дошло до кости. Крик оборвал мысли, в глазах потемнело, но следующий удар был отбит, и Джеймс выпрямился, скрипнув от боли зубами.

...Скоро буря дойдёт до замка. Раскат грома – и на башне появится девочка. Она любит грозу, он хорошо помнит это... И ради неё ему надо...

Резкий разворот. Немеющая рука.

...убить Двенадцатую... Добраться до Моргейны... Разрушить заклатья-гейсы...

Рывок – сильно и зло. Вниз полетела голова в островерхом, цвета оникса, шлеме. Тело исчезло, а на земле, в самой грязи, появился желтоватый клык.

...гейсы... И она безбоязненно выйдет из Хокклоу. Побежит ему навстречу. И он подхватит её на руки, обнимет, как только что родившееся дитя... И эти шестнадцать лет холода...

Кровь убегала всё быстрее. Всё быстрее сыпался дождь багровых, как бересклет, капель. Но вот рядом возник второй, третий... четвёртый клык...

Ведьма приблизилась, когда Джеймс добил десятого. Подобрала клыки и склонилась над ним – упавшим, обессиленным... Ещё живым.

– Глупый, глупый Джеймс... – ведьма отшвырнула ногой меч, который выпал из его руки. Присела рядом, синей когтистой ладонью погладила шею. – Зачем всё это? Ради Артуриана? Этот недоносок не стоит и мизинца нашей Моргейны! Какой из него король? Присягни Королеве! Присягни – и будешь жить!

Силы, чтобы выругаться, ещё были. И Джеймс выругался – забористо, с чувством – прямо в нависшее над ним, синее лицо. Ведьму перекосило, когти сейчас же впились в горло.

– Так, значит?... Тогда подыхай!

Из горла Джеймса вырвался хриплый смех.

– Ридделлы не боятся смерти... Вечность – наш удел...

Теперь расхохоталась ведьма.

– Семейный девиз? Что ж, отправляйся в вечность!

Рука сжалась.

...Хватка на горле с каждой секундой становилась невыносимей. Визгливый хохот резал барабанные перепонки, будто кинжал. Завитки краски на белых щеках внезапно ожили, завертелись; ведьма навалилась на Джеймса всем телом, позади неё материализовалась сине-багряная тень...

Моргейна. Пришла посмотреть, как его посылают в вечность.

«Вечность... Семейный девиз...»

Затухающая, слабая мысль.

«Нет, неправильно... Это не всё...»

– Вечность... наш... удел... бесстрашие...

Ведьма услышала шёпот – и расхохоталась пуще прежнего. Станный, булькающий смех вырвался из её губ; она содрогнулась всем телом, краска синими струйками сбегала с щёк...

А из груди высунулось окровавленное остриё.

– Бесстрашие – наша сила! – выкрикнул кто-то.

Ведьма рухнула на Джеймса. За ней...

Серо-стальные глаза вдруг распахнулись во всю ширь.

– Здравствуй, отец, – улыбнулась черноволосая девушка.

И начала оседать на землю.

Мёртвая ведьма с мечом в спине была отшвырнута в сторону. Джеймс перевернулся, силясь встать, поскользнулся, упал. Снова приподнялся...

– Нет... Нет!

Из её ноздрей уже тянулись две алые струйки, светло-голубые глаза меркли, всё быстрее теряя осмысленность... Стоя на коленях в грязи, Джеймс прижимал к себе лёгкое тело, плакал и шептал имя:

– Дайана... Дайана...

Нарушенный гейс забирал самое дорогое, с неба сыпался дождь, дождь, дождь...

– Дайана... Леди Дайана...

Ну зачем ты вышла из замка...

– Леди Дайана!

Она вздрогнула – и очнулась, обнаружив себя на площадке башни.

– Леди Дайана, прошу вас... – позади опять раздался дрожащий голос. – Вернитесь в комнату. Темнеет... Да ещё буря...

Дайана Элейн Ридделл, шестнадцати лет отроду, только фыркнула и вызывающе скинула капюшон. Бледную кожу тотчас поцеловал дождь.

– Не смей мне указывать, Хэтти. Делаю, что хочу!

Служанка всхлипнула, чуть ближе подошла к зубчатому парапету, около которого стояла госпожа. Высота страшила Хэтти, но привычки Дайаны пугали её куда больше.

– Госпожа... Барон строго-настрого запретил вам...

– Ах, барон?

Дайана вдруг обернулась и шагнула к Хэтти так, что ей пришлось вплотную притиснуться к парапету. Глаза служанки – и без того, как у ошалевшего кролика, – стали совсем огромными.

– Барон, да? – кривя губы, повторила Дайана. – Но его же здесь нет! Уже полгода нет! – яростно, с тяжёлой злостью, добавила она.

– Госпожа... – слабо пискнула Хэтти.

Дайана не стала её слушать. Вихрем развернувшись на каблуках, она прошла к другому краю площадки и остановилась к Хэтти спиной.

Лицо дёргалось, холодные пальцы ощутимо тряслись. Дайана стиснула кулаки, вдохнула и выдохнула сквозь крепко сжатые зубы. Хэтти мялась позади неё, закусив побелевшую губу. «Интересно, чего ей стоило прийти сюда?» – подумала Дайана, вспомнив извечную дрожь и реденькие, седоватые патлы её служанки. Ещё немного – и станет белой как лунь...

Дайана прекрасно знала про боязнь Хэтти. И порой нещадно издевалась, залезая на парапет у неё на глазах.

«Ридделлы не ведают страха. Ридделлы всегда сильны. Ридделлы – что ястребы: любят высоту и небо», – мысленно повторив заученные с детства слова, Дайана погладила свой холодный, рельефный перстень и обернулась.

Хэтти стояла на том же месте: напуганная, жалкая... Того и гляди ветер унесёт её – хрупкую, точно осенний лист, – прямо в грозу.

– Уходи, – приказала Дайана, мрачно посмотрев служанке в глаза.

Хэтти снова проямлила нечто похожее на «барон» – и получила презрительную гримасу в ответ.

– Хватит трястись. Тебе приказано следить за мной и оберегать – так? Вот и убереги меня от необходимости кричать. Уходи.

Договорив, Дайана резко отвернулась, отчего всколыхнулась подбитая мехом накидка, и вконец перестала обращать на служанку внимание.

...Непокрытые волосы тяжелели от воды, облепляли мрачное донельзя лицо. Буря раскручивалась над замком, гнула верхушки дубов и вязов, тревожным шёпотом отдавалась в лесу; густая, без единого просвета, пелена плащом с ведьминых плеч опускалась на Хокклоу.

Дайана протянула руку. Капля разбилась о доверчиво подставленную ладонь, слезинкой скатилась по запястью. Дождь припустил сильнее, облекая лицо прозрачной водяной маской.

...Раскат грома – и на башне появится девочка...

Сердце обдало внезапным холодом.

...и она безбоязненно выйдет из Хокклоу... Побежит ему навстречу...

Никуда она не побежит. Всё это – сказка. Самообман.

Ногти скользнули по мокрой насквозь ткани, рука неловко накинула капюшон.

...Быть может, кто-то давным-давно выложил над его телом каменное кольцо-койт... Быть может, перстень, такой же, как у неё, уже давно покоится на дне вороньего гнезда, среди костей и помёта...

Дайана отвернулась от грозовой пустоты и пошла прочь, низко опустив голову. Так и не покинувшая её Хэтти засеменила следом.

Глава 2. Колодец Желаний

Звук быстрых шагов гулко отдавался от стен. Пламя факелов, что крепились в железные кольца, дрожало и подобострастно пригибалось, стоило пройти рядом. Сквозь узкие окна ещё пробивался свет, но день был пасмурным и уже затухал, поэтому на пути Дайаны то и дело попадались слуги, зажигающие факелы.

Она раздражённо кивала в ответ на поклоны и стремительно пролетала мимо, чувствуя, как вслед ей смотрит блёклый, малоподвижный взгляд. Безымянные, безголосые и почти одинаковые слуги были неотъемлемой частью Хокклоу. Исключение составляла лишь Хэтти, которая единственная имела имя и не была немой. Хэтти не особо дружила с другими слугами, однако, если Дайана, задумавшая какую-нибудь авантюру, натыкалась на одного из Безголосых, очень скоро появлялась рядом с ней и принималась учить госпожу уму-разуму.

Впрочем, Дайана небрежно отмахивалась от нотаций и с непоколебимым упрямством продолжала делать, что хотела: пыталась отыскать новые, тайные комнаты, добраться до самой пыльной полки в библиотеке, выяснить, нет ли скрытого лаза в почерневшем от сажи камине... И лишь после позволяла всхлипывающей, причитающей Хэтти обработать свои царапины и ушибы.

«Но сегодня всё должно пройти гладко», – подумала Дайана, бросив очередной взгляд на камешек, что перекаtywала в пальцах. Прохладная поверхность его нагрелась в ладони, став почти горячей. Камень был хорошо обтёсан ветром и водой, и только с одного боку белели недавно процарапанные буквы: «Дж» и «Р».

Дайана остановилась у гобелена, на котором был выткан фамильный герб: огромный серебристый ястреб на иссиня-чёрном фоне. Откинула правый уголок снизу и надавила на серый, в багровых прожилках, каменный блок.

Глухо щёлкнуло. Стена рядом с гобеленом дрогнула и стала открываться. Быстро оглянувшись, Дайана прошмыгнула в проход – и запечатала стену за собой.

Темнота. Холод склепа, пробравший до костей...

Удар кремня об огниво породил вспышку, осветил коридор, уходящий вниз. Дайана засмеялась, и тысячи невидимых двойников засмеялись в ответ. Потом

зажгла свечу, что ждала на каменном выступе в стене, и двинулась по коридору.

Горячий воск стекал на пальцы, капал вниз, чтобы застыть желтовато-белым жемчугом. Камень, заботливо уложенный в поясной кошель, готовился вот-вот исполнить её желание. «И оно сбудется! Непременно!» – ободряла себя Дайана, вспоминая, как чуть не порезалась, когда выводила на камне инициалы отца.

Теперь дело оставалось за малым: дойти до подвала у богатых кладовых, заглянуть в комнату с колодцем – так, чтобы Дайану не увидели, – и кинуть камешек в воду. Крепко зажмуриться, прошептать желание. И ждать. Ждать...

Дайана мысленно кивнула.

Ничего. Она, как никто, умеет делать это.

Дайана завернула за угол. Сердце вдруг бешено заколотилось.

«Дошла!»

Коридор закончился тупиком; за глухой стеной скрывался подвал, именно то место, где находился простой колодец, которому было суждено стать Колодцем Желаний.

Дайана провела рукой по холодной, влажной стене. Нашупала узкую плитку из камня, что прикрывала отверстия-глазки. Отодвинула её, приникла к отверстиям... И отшатнулась.

У колодца стояла безошибочно узнаваемая фигура.

«Хэтти Джонс, как я тебя...» – скрежетнула зубами Дайана, вновь приникая к глазкам.

Но Хэтти вовсе не поджидала её.

Закрепив на стене факел, Хэтти воровато огляделась и, склонившись над колодцем, принялась зачерпывать воду. Глаза наблюдающей за ней Дайаны сузились.

Хэтти набрала из ведра ковшик, одёрнула юбку и села прямо на пол, прислонившись к выложенному камнем колодцу. Спина её выгнулась колесом; Хэтти нервно смахнула со лба бисерины пота, приблизила лицо к воде... И зашептала – так тихо, что и Дайана с её чутким слухом не смогла разобрать и слова.

Узкие голубые глаза вдруг расширились от смутного озарения.

Ну конечно.

Ведь это уже было.

Дайана усмехнулась, стоя почти в полной темноте.

Другое место. Другое время.

И та же молитва Мёртвым Богам.

...В кои-то веки над замком горело обжигающее, по-летнему жаркое солнце. Подставлять ему лицо было приятно, однако, оно не любило Дайану, как дождь, отчего на белой коже выступали некрасивые пятна. Небо казалось гладким, лазурно-стеклянным, как браслет на её руке, и роща внутри Хокклоу выглядела гораздо приветливей, чем в обычно пасмурные дни. В такую погоду совершенно не думалось про гейсы, Моргейну и злоключения Артуриана. Отец был дома, и Дайана, одетая в своё лучшее платье, оставила потрёпанный фолиант и просто гуляла...

Пока не наткнулась на Хэтти.

Быстрой тенью метнуться за дуб, осторожно выглянуть...

Служанка была слишком занята, чтобы её заметить. Она стояла на коленях возле огромного валуна с узором из спиральных кругов, водила пальцем по спиралям и что-то шептала, то и дело кланяясь. Затем встала и насыпала в

углубление на верхушке камня горсть отборного зерна. Снова поклонилась, попятилась...

И спиной наткнулась на вышедшую из укрытия Дайану.

– Госпожа!..

Став совсем прозрачной, Хэтти бухнулась на колени, прижала к губам подол хозяйки, запачканный травяным соком.

– Встань.

Старательно пряча глаза, Хэтти медленно, неловко поднялась.

– Что это ты делала? С камнем?

– Я... я просто... – замялась Хэтти.

– Молилась Мёртвым Богам? – ехидно подсказала Дайана, глядя на дрожащую, непрерывно сглатывающую служанку. Хэтти дёрнулась, словно от смертельного удара, вскинула на неё блеснувшие слезами глаза.

– Отец не верит в Мёртвых Богов, – вкрадчиво добавила Дайана, чуть прищурившись. – Я – тоже.

– Умоляю, не говорите ему... – вдруг зарыдала Хэтти, по новой падая ниц.

– Встань!

У служанки обильно текло из глаз. Текло из носа. Дайана подметила это, смерив её презрительным взглядом. Потом смягчилась, вздохнула.

– Успокойся. Успокойся, ну!

Хэтти вытерла нос рукавом и робко глянула на хозяйку.

– Вы... Вы ему...

– Не скажу, – хмуро пообещала Дайана – и добавила, чтобы улыбка на лице Хэтти стала не такой счастливой: – Наверное, не скажу. Ещё не решила.

Хэтти покивала, но продолжила заплаканно улыбаться.

– Иди отсюда. И умойся, а то смотреть противно.

– Да, госпожа! Конечно, госпожа!

Хэтти поклонилась ещё три раза и поспешила прочь. Но Дайана, снова посмотрев на каменный алтарь Мёртвых Богов, неожиданно окликнула её:

– Хэтти!

Служанка споткнулась, обернулась, вся превратилась в слух...

– А моя... моя мать... Тоже не верила?

С лица Хэтти медленно сползла улыбка. Правая рука, что держала остатки подношения, мелко затряслась, просыпала зерно на траву.

– Верила, – выдохнула Хэтти – да как-то так, что её испуг передался Дайане. Это уязвило, заставило натужно рассмеяться.

– Не может бы...

– Верила в другого Бога! – внезапно выпалила Хэтти и зачем-то схватилась рукой за горло. Захрипела, словно удушенник в петле, и, больше не сказав и слова, со всех ног бросилась к замку.

Дайана облизала пересохшие губы. Медленно прошла к алтарю, который всегда считала просто занятым камнем... Вытянула руку, собираясь погладить, как бывало раньше, – и отдернула её.

Помедлив, Дайана неспешно побрела обратно. В глазах её пряталась задумчивость...

Лицо Хэтти в свете факельного огня блестело от пота. «Наверное, чтобы молиться богам, пускай и мёртвым, надо прикладывать немалые усилия», – равнодушно подумала Дайана. От неподвижной слежки замёрзли ноги, глаза устали щуриться, а желудок затребовал есть. И Дайана стала всерьёз подумывать о том, чтобы выйти и как следует напугать Хэтти...

...Когда ей почудилось, что служанке ответили.

Спина враз похолодела.

Хэтти склонилась ниже к воде. Вслушалась, зашептала опять... Неожиданно смолкла, прикусив губу. А шёпот...

По руке, прижатой к стене, пришлось нечто склизкое и многоногое.

Проглотив крик, Дайана шарахнулась в темноту и уронила свечу, ещё успев заметить, как по камням метнулась сороконожка. В ту же секунду, услышав неведомый шорох, Хэтти вскинула голову и переменилась в лице.

Пока Дайана искала в кошеле новую свечу взамен обронённой, служанка выплеснула воду обратно в колодец, схватила факел и торопливо покинула подвал.

...Когда Дайана, ругаясь, вывалилась из коридора, в комнате у колодца было тихо и пусто.

В башне Каменного Дозора гулял ветер. Он грубо подталкивал в спину, похозяйски запуская невидимые пальцы в волосы, холодом касался кожи... Но Дайана лишь встряхивала головой и продолжала подниматься по щербатым ступеням – крепко, до белизны сжав губы на суровом лице.

Вскоре крутой подъём кончился. Преодолев последнюю ступень, Дайана вышла на площадку башни и вскинула руку в приветственном жесте.

– Привет тебе, доблестный дозор! Не видать ли вражеских костров вдалеке?

Ни шёпота, ни движения. Только ветер пронёсся мимо, насмешливо дёрнув за прядь волос.

Дайана заправила прядь за ухо, вздохнула и медленно подошла к зубчатому парапету. Каменные изваяния, что застыли меж зубьев, неотрывно смотрели вдаль: странные, грубо сделанные фигуры без лиц – для смотрящего на замок издалека они выглядели всамделишным боевым дозором, а не хитрой подделкой. И хоть стражи были ничем иным, как просто камнем, Дайане нравилось думать, что они – настоящие, заколдованные воины. И когда-нибудь непременно наступит день, когда её Безликие обретут лица, Безголосые заговорят на разные голоса, а барон...

Дайана сжала кулаки, тоскливо посмотрела на темнеющий вокруг замка лес. Заветный камень давно лежал под толщей воды, которая впитала её желание. Дайана страстно верила в силу стихий, но дороги к Хокклоу продолжали зарастать пылью и сорной травой, чащобы не расступались перед всадником, и от этого в сердце копились горечь и злоба.

Боги, что некогда оберегали их Альбион, давным-давно были мертвы. Как ещё объяснить то, что в мире творится такая несправедливость?!

...Но недавно, в комнате с колодцем...

Нет.

Дайана сердито мотнула головой.

Ей почудилось.

Боги мертвы. Отец говорил это.

Дайана прошла от одного каменного стража к другому, думая, вспоминая...

Когда Боги умерли, человек остался лицом к лицу с колдовством. И оно расплодилось, будто чёрные крысы, обрушилось на страну, что хотела отбиться огнём и мечом...

...Не вышло.

Дайана до крови закусил губу, ожесточённо потёрла бледный, высокий лоб.

Наследник престола, добрый и светлый Артуриан, был изгнан, побеждён. Власть взяла когтистая рука Королевы, что насылала гейсы по щелчку пальцев и взмаху ресниц. Моргейна, Великая Тёмная, беспощадно карала неугодных, извлекая хаос и проклятья из недр Красного Котла, развлекаясь, как могла, вместе с Двенадцатью сёстрами...

Гейсы не миновали и Дом Ридделлов. Ударили по новорождённой дочке союзника Артуриана, заледенили его душу, зачаровали слуг, – с застарелой, горькой ненавистью вспоминала Дайана. Виноваты гейсы. Что же ещё?

И вот отец проводит жизнь в странствиях, не говоря ей о себе ни слова. Но Дайана и так знает, что он трудится не покладая рук. Истребляет Тёмных, ищет лекарство от колдовства – и когда-нибудь...

Вдалеке, среди притихшего на ночь леса, вспыхнул огонёк. Дайана замерла. А спустя мгновение – мрачно усмехнулась. Пару дней назад, расхаживая по крепостной стене, она уже видела этот огонёк чуть подальше от замка. Это баловались Малые Тёмные: фонарики, что заманивали путника в непроходимую чащобу, гоблины, которые вылезали побуйнить при свете луны. В лесу, окружавшем Хокклоу, наверняка водились и другие твари: зеленозубые водяные в каждом озере, плутоватые эльфы, что прятались в лисьих норах...

Встретить одного из них на лесной дороге – невелика беда. Но уж если накинута всем скопом... Дайана поёжилась. И вдруг улыбнулась, представив, как барон Ридделл небрежно отмахивается от Малых мечом, а Блейк, презрительно фыркая, бьёт наглецов копытами.

Огонёк внезапно погас. Улыбка – тоже.

Отмахивайся – не отмахивайся, мечтай – не мечтай...

Отца не было.

А Великая Тёмная, что наложила на неё гейс, до сих пор была жива.

Глава 3. Меч Огненной девы

Вода окрасилась розовым, стоило опустить в неё пораненную ладонь. По коже прошёлся мороз; это притупило боль и заставило почти улыбнуться. Он стряхнул холодные капли, вытянул чистую тряпицу и уж было собрался перевязать руку, когда поблизости раздались шаги.

Тело, едва остывшее от жара схватки, вновь напряглось...

...И расслабилось.

– Это ты, Мэл.

– Верно. Кто же ещё? – ухмыльнулся подошедший человек и уселся рядом, заставив хрустнуть гальку. – Или ты ожидал ведьму? Уже соскучился?

По губам Джеймса скользнула слабая тень улыбки.

– После сегодняшнего я сыт ведьмами по горло.

Мэл Ринн расхохотался, зажмурил единственный глаз. Перевязывая ладонь, Джеймс искоса наблюдал за ним – и, как всегда, удивлялся.

Жизнь его товарища была тесно связана с колдовством. Пожалуй, даже теснее, чем его. Магия изрядно потрепала Мэла Ринна. Стоило разок взглянуть в его лицо: одноглазое, с бугристой, опалённой кожей... Ни бровей, ни ресниц – только

жёсткая, узким клинышком, борода. Коготь Красного дракона лишил его правого глаза, дыхание Белого – выжгло лицо. Но странная, врождённая устойчивость спасла его от неминуемой гибели. К тому же, Мэл инстинктивно чувствовал близость колдовства. Именно поэтому знакомство с ним оказалось таким удачным. Мэл Ринн был идеальным соратником в борьбе против магии.

Но сегодня он сам чуть не поставил в этой борьбе точку, рассеянно подумал Джеймс, в который раз прикасаясь к висящему на груди амулету.

Пальцы погладили выпуклое серебро, а затем – раскрыли подвеску, как раковину. Внутри амулета виднелся чёрный, шелковистый завиток. Джеймс глядел на него так долго, что Мэл не выдержал и с любопытством придвинулся.

– Жена?

– Дочь.

Створки амулета захлопнулись. Джеймс, помрачнев ещё больше, опустил руку.

– Сколько ей сейчас? – помолчав, решился спросить Мэл.

– Уже шестнадцать, – без улыбки ответил Джеймс; его взгляд, устремлённый в ручей, приобрёл отсутствующее выражение. Джеймс помолчал, прежде чем с усилием заговорить снова: – Этот амулет... Она подарила его мне, когда ей только-только исполнилось десять. Она считала меня своим рыцарем. А у каждого рыцаря должен быть амулет...

– Сегодня он спас тебя, – осторожно заметил Ринн.

Джеймс кивнул. Смерть и правда не сцапала его – лишь царапнула когтем: вихрь колдовского огня ударил в грудь, но амулет отразил атаку, оставив его невредимым.

– В тот день я не принял амулет, – тихо продолжил Джеймс. – Я обозвал её идею глупостью и хлопнул дверь прямо перед её носом... А следующим утром амулет упрямо лежал на пороге моей комнаты. Внутри него покоился этот мягкий завиток.

Кулак сжался и разжался. Горькая складка резче обозначилась у рта.

– Её любовь хранит меня. Как радостно она бежит мне навстречу, когда я возвращаюсь!.. Но я... Я не могу ответить тем же, – голос Джеймса медленно сошёл на нет.

Мозолистая, обгоревшая рука легла на его плечо.

– Не казни себя. Всё это – чертовка Моргейна. Не станет её – не станет и гейсов, – с непоколебимой уверенностью произнёс Мэл Ринн.

Джеймс встряхнул угольно-чёрными волосами и бледно улыбнулся ему.

– Ты прав, друг. Спасибо.

– Помни о ней. Всегда помни. И береги себя ради неё. Ведь она тебя ждёт, – сказал Ринн и со вздохом добавил: – Вот меня никто не ждёт. И знаешь... Когда всё это закончится... – на грубой физиономии Мэла внезапно расплылась мечтательная улыбка, – ...я, пожалуй, найду себе жену. Осядем с ней где-нибудь... У подножья холма... Или там в дубовой роще...Эх...

Мэл Ринн сладко потянулся, кошачьим движением выгнув позвоночник. Облизал губы и, немного подумав, снова повернулся к Джеймсу, чтобы небрежно спросить:

– А твоя дочь...

– Давно просватана, – раздался голос за его спиной.

Мэл с Джеймсом вскочили и обернулись.

– Милорд!

Чуть сузив глаза цвета гречишного мёда, по гальке шёл молодой человек, и ветер трепал его золотые, но уже тронутые сединой волосы.

Он посмотрел на Джеймса и улыбнулся.

– И я не забыл обещания сделать её Королевой, – добавил опальный принц Артуриан.

Копыта мягко ступали по вереску цвета запёкшейся крови, тихонько звякала сбруя. Лучи солнца нестерпимо били в глаза, в перстень на бархатной перчатке, и серебро сразу вспыхивало, чтобы тут же погаснуть, всего на миг показывая чёткий ястребиный силуэт.

Но и мига было достаточно. Поэтому Джеймс – и без того мрачный, неразговорчивый – становился ещё угрюмей. Морщины его углублялись, в светлых глазах зарождался стальной блеск. Коснись Ридделла в таком состоянии – и беги, чтобы тебе не отрубили руку.

...Но вот рядом появился ещё один всадник, и над тёмно-красной пустошью поплыли слова:

Средь вереска воин печальный бродил

И думал, что жизнь измеряют боями,

Что жизнь – как война, негасимое пламя,

И вереск багряный мечом ворошил...

Тишина. Артуриан умолк и с виноватой улыбкой взглянул на замершего в седле Джеймса.

– Кончилось моё вдохновение. Но удалось ли мне развеять твою печаль?

Джеймс посмотрел на жениха дочери, увидел своё отражение в золотистых, по-ястребиному, глазах – и заставил себя ответить на улыбку.

– Печаль моя слишком глубока и застарела, чтобы развеяться. Но милорд тронул моё сердце своим талантом, – почтительно склонив голову, проговорил он.

Артуриан подвёл своего коня ближе к Блейку и, уже не улыбаясь, посмотрел на Джеймса.

– Не беспокойся. Добудем Калибурн – спасём Альбион. Всех спасём, – серьёзно сказал он. – Я клянусь..

– Мой принц!

Мэл Ринн, ехавший чуть впереди них, резко обернулся в седле. На лице, изуродованном пламенем, читалось возбуждение.

– Чую немалую магию!

Артуриан подобрался; взгляд, что вонзился в зрачки Мэла, стал хищным.

– Чуешь?

– Всей своей обгорелой задницей! – добавил Ринн, сверкнув щербатой улыбкой.

Артуриан усмехнулся, провёл рукой по седоватым, не по возрасту, волосам.

– Что ж, твоя задница ни разу нас не подводила... Но, боюсь, после этого приключения она станет ещё обгорелей.

Запрокинув голову, Мэл Ринн расхохотался на всю пустошь, и даже на лице Джеймса появилось подобие улыбки.

– Поздравляю, друзья, – Артуриан спешил и, выдернув из ножен меч, обвёл спутников сверкающим взглядом. – Мы добрались до владений Огненной девы.

Продвигались пешими, быстро и молча. Закреплённые на спинах щиты давили добротной тяжестью, воздух дышал июльским пеклом и становился горячей с каждой секундой. Вереск, что багряным, как в стихе Артура Артура, ковром лежал под ногами, сперва почернел, а потом и вовсе пропал. Его сменили камни, булыжники и вся в трещинах земля, жар которой чувствовался и сквозь толстую подошву сапог.

Общались знаками – но ни один из воинов не сдержал удивлённого восклицания, когда все трое одновременно увидели его.

Отбрасывая узкую тень, в огромном, покрытом змеистыми трещинами камне, красовался Меч.

До него оставалось порядка тридцати футов. Воины знали, чего надо было ждать, – и всё же оказались не готовы.

Стоило слову «Калибурн» лишь пронестись в их сознании – подземное пламя струями ударило наружу, образовав кольцо, огненное озеро вокруг камня с мечом.

А над ним...

– Будь я проклят! – хрипло выдохнул Мэл Ринн, запрокидывая голову.

В воздухе, почти касаясь босыми ступнями рукояти меча, зависла девушка: лицо белей парного молока, копна огненно-рыжих волос... И платье, словно вымоченное в свежей крови, сшитое из сотен длинных лент, концы которых свисают до самой земли.

Её звали Нинэйн. Прекрасной и ужасной Огненной девой, чьё пламя охраняло Калибурн от посягательства недостойных. Нинэйн была ведьмой, отвергшей милость Королевы Моргейны, не выдавшей Меч её сыну – Мордретту... Огненная дева не знала пощады и не давала поблажек, поэтому пророчество о том, что добывший Калибурн станет Королём, оставалось только пророчеством.

Но трое, что пришли сегодня, хотели всё изменить.

Джеймс увидел, как алые губы презрительно изогнулись.

– Охотники за Мечом... – шепнула Нинэйн, и в этом шёпоте слышался треск поленьев в раскалённом камине. – Охотники за смертью...

Она взмахнула широкими рукавами. Вниз посыпались почерневшие, обугленные кости и черепа, один из которых прокатился к ногам самого Артуриана. Он посмотрел на чёрный, ухмыляющийся оскал, перешагнул череп и, вскинув подбородок, сверкнул глазами на ведьму.

– Я пришёл по праву.

– Так докажи его, – прошептала Нинэйн, и треск поленьев обратился в треск вековых дубов от лютого лесного пожара.

Огненный вихрь ударил в то место, где только что стоял Артуриан. Мэл Ринн, спасший господина, сбив его с ног, выставил перед собой щит и двинулся на ведьму.

– Добудьте Меч! Я отвлеку её!

Нинэйн вскинула бровь, заметив две серебряные, крест-накрест полосы на его щите.

– Серебро?.. – прошелестела Нинэйн. – Жалкий человек, ты думаешь, это спасёт тебя от моего пламени?

– Красивая. А какая дерзкая... – улыбнулся на это Мэл.

И одним движением скинул капюшон.

– Единожды опалённый огнём уже не боится его, дева, – с гордостью сказал Мэл Ринн; единственный глаз, устремлённый на ведьму, неистово сверкал. – Я видывал ярость Драконов. Что мне твоё колдовство? Ударишь, – хитро добавил он, – как погладишь...

Пламя бешено взревело в ответ.

Отблески огня пляшут на дымчатой стали, будто вихрь крутятся в глазах. Озеро жидкого пламени вокруг камня с Мечом: ни переплыть, ни достать... Ни уйти невредимым.

Джеймс облизывает треснувшие губы, кивает Артуриану – и прыгает вперёд. Огонь, шипя лесной кошкой, отскакивает от серебряных полос, но тотчас кусает справа и слева. Артуриан за спиной: исступленно, зло вертит щитом, сыпет проклятиями сквозь зубы. Жарко, но пока не горячо. Пламя бьётся не в полную силу: Нинэйн кружит над одним Мэлом Ринном, и завитки волос непрерывно хлещут его безжалостным огнём...

Мэл смеётся, хохочет сквозь боль:

– Ни в чёртовых горах Каледона... ни в Эринионе, зелёном, точно проклятый изумруд, не видывал я лица прекрасней, чем твоё, дева!..

Нинэйн корчится, искры бешенства летят из глаз.

– Быстрее!

Горят перчатки, горит одежда. Плавится на щитах серебро. До камня – совсем чуть-чуть, лишь бы не утонуть, не сгореть в этом жерле вулкана...

Амулет яростно стучит вторым сердцем, отражает все колдовские атаки. Но силы заканчиваются, перед глазами уже не Меч – красно-чёрная мошара.

– Мой принц... – зов хриплым и чужим голосом.

Артуриан подставляет плечо; в щёку и золотые волосы уже вцепился огненный пёс. Щит плачет серебряными слезами, и пламя вот-вот выжжет его дотла.

Ноги оступаются.

Они летят вниз; огонь, ликуя, распахивает жаркие объятия...

Удар о камень. Далёкий крик.

Рой красно-чёрной мошкары: в глазах, в огне, всюду...

...А сквозь него – чёткая ладонь на рукояти Меча.

– Мой король... – улыбаются треснувшие губы.

И пламя гаснет.

Всё гаснет.

Ножны цвета камня медленно, осторожно касались распростёртого тела. С головы до пят, с правого плеча – на левое и обратно...

И вот вздрогнула рука. Нога. Задрожали ресницы.

Внезапная судорога по всему телу.

Ридделл очнулся, широко распахнул дымчато-серые глаза. Увидел протянутую ему ладонь.

А над ней – совершенно чужого человека.

Но, нет.

Не чужого...

– Как ты, мой друг?

Участие в ястребином взгляде. А сам еле держится на ногах, пытается улыбаться, хоть от боли сводит обгоревшее лицо...

Джеймс тяжело поднялся. Глаза нашли Калибурн, скользнули по серой поверхности ножен.

– Вы... – начал было он – и замолчал, не сумев договорить.

Всё было ясно без слов.

Легендарные ножны, что умели вернуть дух в уставшую плоть. Камень, что хранил крепко вонзённое лезвие. Если бы не это...

Джеймс покачнулся, схватился за амулет, до боли вдавив его в руку. Зрение вмиг затуманилось, перед ним вспыхнуло снежно-белое лицо дочери – и раскололось, будто весенний лёд.

«Я жив. Я вернусь!..»

– Обязательно вернёшься, – сказал Артуриан, и Джеймс вздрогнул, осознав, что мыслил вслух.

Тем временем принц – нет, король! – крепко пристегнул ножны к поясу. Поморщился, проведя рукой по изуродованному лицу... А после – горестно усмехнулся.

– Захочет ли твоя дочь быть со мной? Теперь? С такой-то моей красотой?

Джеймс почувствовал на губах улыбку.

– Мужчина не должен быть красив, – произнёс он, кивнув головой туда, где, закончив схватку, беседовали Мэл Ринн и Нинэйн: она – такая же надменная, он – ещё обгорелей...

– Мужчина, – добавил Джеймс, – должен быть героем.

Артуриан тихо рассмеялся. От него тоже не укрылся заинтересованный взгляд непокорной Девы, что парила над Мэлом, не сводя с бывшего противника глаз.

– Героем, – согласно кивнул Артуриан, оглаживая рукоять Калибурна, и вновь повернулся к Джеймсу. – Теперь нам по...

Договорить он не успел.

Позади, далеко в лесу, послышалось надрывное ржание.

– Блейк! – встрепенулся Джеймс, и тревога бешено забилась в висках, когда...

...Дайана поняла, что ей не послышалось.

За пределами Хокклоу и правда ржал конь.

Стрелой к окну! Скорей! Скорей, чтобы увидеть...

...Как в замке, впервые за полгода, открываются ворота.

На гобеленах весело искрится золотая канитель, обычно серый камень будто светится изнутри праздничным, алым... Дайана подмечает всё это краешком глаза и, не останавливаясь, проносится мимо: по гулким коридорам и вниз, вниз, вниз, через две ступени разом, с улыбкой столь счастливой, что ноют щёки...

«Вернулся. Вернулся!»

Хочется кричать это каждому встречному слуге, целовать милые, безмятежные лица; схватить в охапку Хэтти и протанцевать с ней всю дорогу до двора...

Но не сейчас, не сейчас.

Всё это будет потом, а пока вниз по ступеням, направо и опять вниз. Сердце – крылатое, восторженное – бьётся в груди беспокойной малиновкой, и вот уже

дверь, двор...

Внезапное осознание – как удар под дых. Малиновка-сердце подстрелена, безжизненным комочком в никуда, кружатся последние перья.

Холодея, Дайана смотрит на свои чумазые ладони и обтрёпанный, мужской наряд. На мгновение запускает руку в неубранные, спутанные вороньим гнездом волосы.

Разве так встречают отца? Разве он не запрещал ей это опасное баловство: исследовать замок, подобно неуёмному мальчишке?..

Метнуться бы обратно, за дверь, стремительной молнией в свою комнату...

Поздно.

Чёрный глаз под свисающей чёлкой уже видит её, нос – фыркает.

Блейк приветственно ржёт, и человек, что только-только спрыгнул с него, оборачивается.

И снова хочется бежать, но теперь в другую сторону: вперёд, бесконечно-широко раскрывая объятия...

Но улыбка гаснет, смывается серым, будто октябрьский дождь, взором. Дайана не бежит – еле идёт навстречу, ступая ногами, налитыми чугуном.

Ни морщинки на мраморно-белом лице. Ни единого отблеска серебра в иссиня-чёрных прядях. Барон неизменен. Барон суров.

Рука вдруг тянется... И останавливается, падает. Булавой сжимается кулак.

– Приветствую тебя, отец. – Тихо. Сдержанно. Холодно.

Две ледяные стрелы – прямо в глаза. Насквозь – и будто не видя.

– Привет и тебе, Дайана.

Лёгкий поворот и...

Всё.

Стрелы уже летят в другую сторону, по очереди пронзают спешащих навстречу слуг. Рука в бархатной перчатке хлопает коня по боку – и барон уходит. Плащ – рванный, узорчато-грязный – надменно вздувается за спиной.

...Зябко, так зябко. Словно в секунду заболела лихорадкой. И вокруг – всё белое, больше не алое, и эта белизна нестерпимо режет глаза...

– Прочь, – выдыхают губы, когда один из слуг берётся за уздечку. – Я сказала: прочь!

Слуга шарахается назад, пятится с низким поклоном. Дайана хватается за уздечку и сама ведёт Блейка в конюшню.

Щеки дёргаются, дрожит глядящая любимца рука. Блейк ловит пальцы тёплыми губами, фыркая, подставляет морду в шелковистых шерстинках.

«Это не я, это – Моргейна... Это не я, это – Моргейна...» – крутится в голове бешеный, злой вихрь. Но глаза жжёт всё сильнее, и Дайана, тесно прильнув к Блейку, прячет лицо в его густой гриве.

И всё-таки вернулся.

Вернулся.

Глава 4. Незнакомая книга

Вокруг огромного, отливающего закатным солнцем котла скользили двенадцать лёгких силуэтов. Бледные до прозрачности пальцы бросали в его багровую, как

глотка зверя, глубину крысиные хвосты и шкурки бородавчатых жаб, выливали из тонкостенных склянок яд болиголова. Рукава одеяний – тёмных, словно крыло нетопыря, – подметали забрызганный свежей кровью пол, а босые ступни, казалось, вот-вот оторвутся от земли.

Дым, что тянулся из котла, густел и рос, будто вихрь смерча, рождённого в глубине северного моря. Быстро, мимолётной мыслью, в нём пролетали короткие молнии и вспышки – зелёные, словно кошачьи глаза. Каждый раз подмечая это, ведьмы приходили в исступленный восторг; гримасничая, кривили пурпурные, цвета сырой печени, губы и пели, шептали, шипели свои тёмные заклинания...

Внезапно голоса стихли. Скрипнула дверь – и в зал, ступая величаво и грозно, вошла она: светлые, как паутина, волосы, льдисто-синие глаза и костяной венец, на котором щетинятся драконьи зубы.

– Королева Моргейна, Королева...

Бескровные губы Великой Тёмной изогнулись в подобии улыбки. Она ступила ближе, поднимая на всеобщее обозрение страшный, зажатый в когтистой ладони предмет, и ведьмы радостно заверещали. То был череп без верхушки – всё, что осталось от вора, срезанного с виселицы пару недель назад, – наполненный кипящим, цвета ночи, зельем.

Моргейна приблизилась и влила чёрное варево в котёл. Один удар сердца – и огненно-дымный столп выстрелил до потолка, в нём стали видны далёкие силуэты: горящие заживо люди, горящие дома, города – всё, что сбудется очень скоро, ибо Королева мстит за любое, самое крохотное оскорбление. Кровью.

Додумав это, Дайана скривилась, всё ещё глядя на красочную иллюстрацию, и в сердцах захлопнула книгу. Сколько раз она читала это? Сколько раз, проведя пальцем по последней строчке, яростно сжимала руку в кулак? И сколько же бессонных ночей, тягостных одиноких дней сама придумывала продолжение?..

История прихода к власти ужасной Моргейны заканчивалась изгнанием Артуриана. Летописец под именем Пэнсер ставил точку именно в этом месте, оставляя ей лишь страхи, догадки, фантазии...

Сдержанно вздохнув, Дайана окинула хмурым взглядом высокие, заставленные книгами полки. Вот бестиарий Малых Тёмных, одетый в застёжки и заклёпки, словно рыцарь – в броню. Чуть дальше – печатный томик с гладкой, как зеркало, обложкой; в нём хранится история Белой Ведьмы, что заморозила далёкую Марнию. Рядом – громадный фолиант о неведомом Среднеземье, где обитает Колдун, сотворивший магическое кольцо...

Почти всё, что находилось здесь, было читано, и не раз. Почти каждая книга рассказывала про ту или иную магию.

Дайана отложила историю Моргейны на стол и задумчиво прошлась вдоль полок. Провела белым, точно кость, пальцем по корешкам. В мире, что лежал за пределами Хокклоу, несомненно, творились страшные вещи, и книги рассказывали ей об этом. Порой там вершилась не только чёрная, но и белая магия, колдовские силы использовались во благо, а добрые колдуны одолевали плохих... Но, всякий раз возвращаясь к летописи её страны – Альбиона, Дайана перечитывала историю Моргейны и чувствовала, как внутри, словно кобра, встаёт застарелая злость...

...И зависть.

Дайана подошла к узкому окну, коснулась горячей ладонью стекла, чтобы найти успокоительный холод. Моргейне и ей подобным стоит только шепнуть – и от пальцев побежит паутинка трещин, стекло взорвётся, не причинив никому вреда, и ветер дружески потреплет по волосам... Нет, по шелковистым вороньим перьям, ибо уже не человек – птица взлетит ввысь, чтобы чёрной стрелой покинуть Хокклоу, глотнуть ледяной, запредельный воздух свободы, увидеть чужие, далёкие страны и моря...

Рука отдёрнулась от стекла. Дайана на секунду прикрыла глаза, призвав себя к невозмутимости и терпению, и пошла к приставной лестнице, намереваясь достать новую книгу. Быть может, это позволит ей, наконец, отвлечься.

Ступеньки тихо поскрипывали под ногами. Встав на носки, Дайана шарила по полкам в заднем ряду, легонько ударяя указательным пальцем по корешкам известных ей книг: гладким и шершавым, потрёпанным и новым, совсем простым и вычурным, с гордо сверкающими вставками из бронзы и серебра...

Серебра?

Глаза вдруг прищурились. Дайана склонилась ближе, раздвинула плотно стоящие тома – и вытащила никогда прежде не виданную книгу.

Томик, небольшой по количеству страниц, странно тяжело давил на ладонь. Он был обтянут чёрной телячьей кожей и поблёскивал вставками чистого серебра: узкой полоской на корешке и четырьмя треугольниками в уголках на самой обложке. Но самым удивительным было вовсе не это.

Дайана безотчётно сглотнула, разглядывая находку. На лицевой стороне обложки стояли буквы, словно продавленные изнутри.

Книга Джеймса.

«Дневник отца?.. Давным-давно забытый здесь?»

Эта мысль заставила голову закружиться. Дайана даже покачнулась, но удержала равновесие и с жадностью вцепилась в книгу. Однако страницы, будто склеенные намертво, никак не поддавались, оберегая хранимые внутри секреты. И Дайана, закусив от усердия губу, вне себя от волнения, страха и неистовой жажды запретного знания, всё-таки приоткрыла середину тома. Мелькнул почерк – знакомый, узкий, стремительный почерк, заставивший её внутренне возликовать.

И тут ступенька хрустнула.

Подавившись воплем, Дайана схватилась за полку, но вспотевшие от волнения пальцы не удержались. Мгновение ужаса – и она ощутила, как падает с высокой лестницы, выпуская из ладони книгу, как больно ударяется о крытый плитами пол...

И увидела, прежде чем потерять сознание, как сверху, прямо на неё, стайей атакующих птиц летят увесистые тома.

Верхнюю часть лба жгло и саднило. Дайана приоткрыла один глаз, другой... Тронула кожу над правой бровью и досадливо сморщилась, увидев, что пальцы окрасились алым. Впрочем, других ранений, на её счастье, не было – не считая синяков, которые, несомненно, уже покрыли фиолетовым все ноги и спину.

Дайана медленно поднялась, в голове слегка гудело. Взгляд скользнул по десятку сброшенных наземь книг, нашёл знакомое серебро. И вот чёрный томик уже стиснут в дрожащих пальцах.

На сей раз открылся иной разворот. Чужой, незнакомый почерк... Рисунок. Дайана воззрилась на него: смутный человеческий силуэт и пламя, что охватывало его поднятую к небесам руку. На заднем плане виднелись нечёткие очертания неких стен, башен...

Внутри черепа словно качнулся огромный колокол, заставив Дайану на миг потерять слух. Она стиснула голову, зажмурилась – и вдруг увидела это.

Горящие заживо люди, горящие дома, города. Яростно гудящее, цвета холодного аметиста, пламя. Белёсая, объятая колдовским огнём рука. И маленькая, такая знакомая серебряная вспышка на безымянном пальце...

Веки резко распахнулись. Но после Дайана лишь нервно усмехнулась, провела рукой по глазам. Привиделось. Всё это – результат падения. Что же ещё? Надо бы бросить книги, дойти до своей комнаты и прилечь отдохнуть.

Но пальцы всё лихорадочней цеплялись за странный томик, паучьими лапками метались по нему, ища листы, готовые открыться...

Вот звезда. Пять чётких, гранёных сегментов-лучей и крупная, чёткая середина. Попеременно тёмные и светлые части, чернилами нарисованные от руки. И подписи, добавленные к каждой из них, острым, как лезвие, почерком.

В горле пересохло. Дайана кашлянула и начала читать хриловатым шёпотом:

– Первая печать... Ведьмино пламя... Вторая печать... Серебро хранителя... Третья печать... Слеза убивш...

«Книга Джеймса» выпала из рук. В глазах потемнело – и вспыхнуло, явив взору ошарашенной Дайаны смутную, быструю тень в рваном, будто клочок тьмы, балахоне и с бьющими по воздуху огромными крыльями. Неощутимый ветер чуть сдул чёрную гриву с бледного, как молодая луна, лица, и прямо на Дайану уставилось жуткое, без зрачка, око.

– Нет!

Дайана закричала, отшатнулась в никуда... И заморгала, осознав, что она – дрожащая и перепуганная – по-прежнему стоит посреди своей библиотеки.

Тонкая книжица валялась у самых ног. Странное, плохо осознаваемое чувство шептало Дайане отшвырнуть её подальше, пнуть, словно мерзкую жабу, чтобы никогда-никогда-никогда больше не прикасаться к ней...

Но Дайана заставила себя поднять все, до одной, книги и хаотично, кое-как рассовать их по нижним полкам. «Книга Джеймса», взятая в руки последней, была задвинута в самый дальний угол, и Дайана долго смотрела на неё, беспокойно кусая губы.

Ничего. Теперь она знает, где её найти. И найдёт, когда захочет. Если захочет. А пока...

Надо подумать.

Дайана схватила том «Пришествие Моргейны» со стола, крепко прижала к себе и быстрым шагом, чуть ли не бегом, покинула библиотеку...

...Чтобы на первом же повороте врезаться в барона Ридделла.

– Отец!..

Дайана отскочила, съёжилась. Склонила голову так, что волосы почти скрыли пламенеющее лицо. Казалось, даже через притиснутую к груди книгу по всему Хокклоу разносится биение перепуганного сердца.

– Что это?

Твёрдые, холодные пальцы тронули подбородок, и барон прищурился, повернув лицо дочери к себе. Тёмная прядь скользнула со лба, открывая ещё не засохшую ранку.

– Уронила книгу. В библиотеке, – быстро ответила Дайана, пытаясь улыбнуться, но задушила улыбку в зародыше. Лёгкое прикосновение к подбородку исчезло так же быстро, как и появилось. Барон медленно отступил на шаг.

– Я скажу Харриет, – бесстрастно пообещал он.

Дайана кивнула, привычно опустила взгляд. Но почти сразу посмотрела на отца вновь – и неожиданно похолодела, поняв, что теперь он внимательно разглядывает её книгу.

– «Пришествие Моргейны»?.. – прочитал он, словно бы говоря сам с собой.

– Д-да... Я... – Дайана запнулась. – Я пойду, отец?

– Иди, – прозвучал холодный ответ.

Дайана обогнула отца и пошла, всё ускоряя шаг.

...На лице барона, что неслышно обернулся ей вслед, играла едва заметная улыбка.

Глава 5. Гости в Хокклоу

Город у подножья холма корчится в невыносимой агонии. Стенания и вопли страдальцев, что умирают от кровавого кашля и горячки, доносятся до самого замка, на высокой башне которого статуей застыл одинокий человек.

Вот он поднимает руку. Вытягивает указующий перст. И с блёклого, цвета скисшего молока, неба на город начинают сыпаться крылатые чёрные клочья.

Крики достигают апогея. Но человек продолжает стоять и ждать чего-то, наблюдая, как тёмные фигуры срывают с петель двери, выбивают окна, проникают в каждый дом...

Мёртвая тишина. Только свистит, сипло и уныло свистит ветер. А с пальцев уже срывается фиолетовая вспышка: она разрастается в полёте, обращаясь в неистовый огненный шторм, и с яростью врезается в притихший было город.

Дома и постройки трещат, трескаются, рушатся. Падает острая башня, увенчанная крестом. Человек больше не смотрит. Он и так знает, что к утру от города у замка не останется даже угольков. Отворачивается и медленно, точно больной, бредёт вниз по винтовой лестнице.

Пустой зал, едва горящие факелы на стенах. Стремительный шорох одежды – и на пути появляется слуга в серебряно-чёрной ливрее. Лицо его бескровно, бело как снег.

– Милорд!..

Слуга падает на колени, хватается за ноги человека, бессвязно бормочет какие-то просьбы и мольбы...

Рука поднимается. На каждом пальце вспыхивает отчётливый аметистовый огонёк.

Дайана проснулась от собственного крика. Съёжилась в комок, вдавив лицо в подушку, набитую сухой лавандой. Зубы стиснулись до ноющей боли в скулах, в глазах стало мокро и горячо.

– Это сон. Просто сон!

Но в памяти снова всплыла «Книга Джеймса», заполненная тайными знаниями и откровениями. Дайана мотнула головой, словно отмахиваясь от наваждения. Отец борется с колдовством. С Моргейной. Со всеми Малыми и Великими Тёмными. И всегда боролся. Пускай он не говорит ей об этом, делает вид, что

ничего не понимает – он хороший. Хороший!

Дайана села на кровати, откинула одеяло. В комнате было темно, лишь слегка посверкивала искусная, позолоченная роспись на белёном потолке: солнце и месяц в окружении словно танцующих подле них созвездий.

Отец не владеет колдовством. Это его заколдовали. Всё, что она увидела в книге, лишь описания сил чёрных магов, против которых отец сражается. Это заметки, полевые очерки о том, чего стоит от них ожидать. То, что привиделось ей, не имеет никакого значения, твёрдо сказала себе Дайана.

Но беспокойство не уходило, гнусно сосало где-то под ложечкой. И, немного подумав, Дайана всё же решила пройтись. Она не раз ходила по ночному замку, почти каждый уголок которого знала и на вид, и на ощупь, и очень любила подниматься на башни, чтобы поглядеть на бескрайнее, в алмазных точечках звёзд, небо.

Дайана оделась, зажгла свечу. Бесшумно выскользнула из комнаты и, крадучись, пошла по Хокклоу...

Но далеко пройти беспрепятственно не удалось.

Рядом слышались шаги, мелькнул фонарь, скрытый стеклянным колпаком. Дайана метнулась в ответвление коридора, задула свечу и попыталась слиться со стеной, от души надеясь, что её никто не заметит.

Дайане повезло. Никто не свернул в её сторону, никто даже не обернулся. Зато она, всё выше вскидывая невидимую в темноте бровь, с удивлением смотрела на вереницу слуг, проходящую по центральному коридору. В руках у многих покоились блюда и сосуды.

Ноздри Дайаны шевельнулись, чуть сильнее втянули воздух. Пахло ягнёнком, жаренным в травах, печёными яблоками и вином. Что же это? Барон решил перекусить?

Судя по всему, слуги направлялись напрямик в главную залу. И, немного поразмыслив, Дайана решила повременить с ночными бдениями на башне.

Дождалась, пока последний слуга не скроется вдалеке, и, найдя на стене в соседнем коридоре заветный, хрустнувший под её ладонью камешек, быстро открыла секретный ход. Вскоре она уже спешила по тайному коридору, придерживая в руке вновь зажжённую свечу.

Вот и то самое место. Крохотные, еле заметные глазки.

Дайана подступила вплотную, почти распластавшись по стене...

...И увидела стол, за которым сидели двое.

На секунду – какую-то совершенно дикую, безумную секунду! – Дайане показалось, что напротив барона, в самой дальней стороне крытого льняной скатертью стола, сидит принц Артуриан.

Но за первой секундой пошла вторая, третья, и Дайана напряжённо свела брови к переносице, не зная, что ей и думать. Ведь в Хокклоу, на её памяти, ещё никогда не бывало гостей...

Слуги расставляли кушанья – как всегда безмолвно, аккуратно и споро. Джеймс Ридделл не смотрел на них, лишь цедил вино из кубка: привычно непроницаемый, он был одет в простой чёрный дублет, поверх которого была накинута мантия, отороченная мехом чёрной лисицы. Изредка он поглядывал на некий предмет из серебристого металла, что лежал подле его правой руки на столе. К еде барон не притрагивался – в отличие от гостя, который ел с явным удовольствием и аппетитом.

Дайана прищурилась. Гость был совершенно седым, и его гладкие, безупречно уложенные волосы походили на серебряный шлем. Однако это никак не вязалось с лицом: моложавым и улыбчивым, что было самую толику тронута загаром. На плечах лежал короткий плащ – весь в густо нашитых вороньих перьях, под ним виднелся бархатный, молочно-белый дублет. А подле резного стула, прислонённый так, чтобы можно было быстро достать, стоял посох – длинная, кривоватая ветка, на верху которой, среди растопыренных, как пальцы, сучков лежал удивительный камень: перламутровый и мягко сияющий.

– Итак, ты закончил? – холодно осведомился барон, когда тарелка гостя опустела.

Тот с преувеличенной тщательностью подтёр остатки соуса хлебным кусочком и улыбнулся. Блеснула полоска очень белых зубов.

– Закончил, милорд. Благодарю. Вы, как никто, умеете угощать усталых путников, – ответил гость, окидывая заинтересованным взглядом стройную, бледнолицую служанку, что тихо, как мышка, убирала объедки со стола.

Уголок рта барона дёрнулся в откровенной усмешке.

– Зря облизываешься.

– И вовсе не зря, – всё с той же улыбкой возразил гость, снова повернув к нему лицо. – Безупречное колдовство!

Барон хмыкнул и пожал плечами. Сделал рукой небрежно ленивый жест. И Дайана сдавленно ахнула.

Потому что лицо кроткой служанки смялось, как сминается под рукой тучной хозяйки сырое тесто. Черты перемешались, смазались, исчезли, и там, где раньше белело живое, пусть и малоподвижное лицо, не осталось ничего человеческого. Да и вообще ничего – лишь ровная, чуть мерцающая внутренним светом поверхность.

Безликая голова повернулась к хозяину, повернулась к гостю. Колыхнулись волосы, обращённые в дым. Руки – тоже преображённые, с быстрыми сполохами света внутри – собрали посуду... И служанка спокойно побрела прочь. Той же походкой, какой ходила раньше. Какой все они ходили.

– Иллюзия. Морок. Только и всего, – медленно произнёс барон, проводив ушедшее создание взглядом.

– Вы слишком скромны, милорд...

Барон поморщился.

– Не заговаривай мне зубы, Лерой. Ты отлично знаешь, что я хочу от тебя услышать.

Гость, названный Лероем, покорно склонил голову.

– Конечно, милорд.

Джеймс Ридделл тут же подался вперёд. Подобрался, как ястреб, готовый обрушиться на добычу; вонзил в собеседника бритвенно-острый взор.

– И? Вы нашли Печать? Говори же!

Лерой только вздохнул, отчего барон, сразу налившись холодной яростью, откинулся обратно на спинку кресла.

– Мы побывали в Пэн-да-Горе... Заглянули в заснеженный Беадорф... Но пока не обнаружили там ничего. Увы.

– Это не оправдание.

Лерой согласно кивнул, опустив уголки рта. Притворно грустно? По-настоящему? Затем сверкнул на барона быстрым, осторожным взглядом – и вновь беспечно улыбнулся. Казалось, он не может долго пребывать в серьёзном настроении.

– Вы торопите меня. Но ведь ваша дочь...

– ...весьма скоро к нам присоединится, – перебив его, с непоколебимой уверенностью бросил Джеймс Ридделл, заставив наблюдавшую за ним Дайану по новой ужаснуться. – Да. Она примкнёт к нам. И тоже будет путешествовать по мирам. Это я тебе обещаю.

Барон помолчал. Отпил вина, задумчиво крутанул кубок так, чтобы содержимое всколыхнулось, и негромко договорил:

– Каждый раз новое поколение Ридделлов становится сильнее. Каждый раз Сила впервые проявляется в полную мощь после шестнадцатилетия. Это произойдёт с

ней. Уже очень скоро.

– Надеюсь, к тому времени вы заполучите все нужные Печати, – безмятежно заметил Лерой, любуясь собственными ногтями, и с улыбкой добавил: – Кстати, мы нашли его.

– Что? И ты молчал?!

Барон порывисто вскочил. И без того неяркое лицо вдруг стало ещё бледнее.

– Неужели вы не любите сюрпризы, милорд? – сузив смеющиеся глаза, ответил гость. – Он бродил у самого замка, но мы успели его перехватить. Теперь он здесь. Во дворе. И вам, несомненно, стоит его увидеть.

– Да. Идём, – резко приказал Джеймс Ридделл, начиная быстро идти к выходу из зала. Лерой грациозно поднялся, прихватил посох и с неспешным достоинством пошёл вслед.

Неприметные глазки в стене закрылись. Чуть помедлив, Дайана – дрожащая, с болезненно колотящимся сердцем – торопливо побежала по тайному коридору, то и дело спотыкаясь на ходу. Первый поворот, второй, третий... Стена, выходящая во двор. Узкая щель – секретное окно.

Двор то темнел, то окунался в лунный свет: по небу, гонимые ветром, неслись тучи. Высились хозяйственные постройки, колыхалась трава.

...А еще – там стоял коленопреклонённый человек.

Руки его были связаны; на груди, среди запylённой одежды, сияло нечто серебряное, похожее на крест. А позади, в густой тени от постройки, виднелись три фигуры: высокие, закутанные во мрак...

Пленник стоял с закрытыми глазами и, низко склонив русоволосую голову, бормотал что-то тихим, полным приглушённой ярости голосом. Барон Ридделл молча шагнул вперёд. И остановился, лишь стоило человеку поднять на него взгляд.

Сверкнули блестящие, как у безумца, голубые глаза. Губы скривились в судороге-улыбке.

– А вот и колдун, – словно выплюнул человек и засмеялся – сипловатым, каркающим смехом.

На лице Джеймса Ридделла не дрогнул ни единый мускул.

– Твоё имя.

Пленник задрал подбородок ещё выше, бросил с непонятым вызовом:

– Я из семьи Хенли!

– Вижу, – медленно кивнув, спокойно и холодно произнёс барон, перед тем, как повернуться к стоящему неподалёку Лерою. – Выживший. И, к тому же, Хенли... Как ты мог допустить такое?

Лерой обезоруживающе улыбнулся.

– Моё первое дело, милорд. Никто не идеален.

Помучив его тяжёлым взглядом ещё некоторое время, барон опять воззрился на пленника.

– Значит, все эти годы о Хокклоу рассказывал ты... И поиски проводил – тоже... – уронил Джеймс Ридделл. Потом спросил, будто бы самого себя: – Сколько же лет было тебе? Тогда?..

Пленник тряхнул головой и оскалился.

– Я был молод. Но помню и крылья... И пламя! – прорычал он, дёргаясь вперёд, к барону. Лерой предостерегающе зашипел, трое чёрных фигур беззвучно метнулись ближе.

Но Джеймс Ридделл не отступил.

– Что ж. Ты долго искал, – словно не услышав последних слов, не увидев произошедшего, промолвил он.

– И хорошо готовился!

– Вряд ли хорошо, раз ты здесь.

Пленник содрогнулся от бешенства. И вдруг взорвался:

– Мы ведь отдали тебе самое лучшее! Самое дорогое, что у нас было!..

На лице Джеймса Ридделла что-то мелькнуло. Пропало. Губы едва шевельнулись.

– Безусловно, – прошептал он.

По щекам Хенли уже струились обильные слёзы. Он плакал, не скрывая этого, но взгляд его – лютый, горестный – ни на миг не отрывался от барона.

– Я знаю, кого ты прячешь за этими лесами, среди этих проклятых башен... – внезапно скрежетнул Хенли.

Барон Ридделл ничего не ответил, и только глаза его нехорошо сузились.

– Потому что я видел... Девушку на стене! – со злым торжеством закончил пленник.

– Ну а я, – неторопливо сказал Джеймс Ридделл, – буду последним, кого ты видел.

И поднял правую руку.

Ярчайшая, фиолетовая вспышка. Стремительная молния, что сорвалась с затянутых в перчатку пальцев и с жужжанием врезалась человеку по имени Хенли в самые глаза. Вой, поднявшийся следом, взвился до небес. Пленник рухнул лицом вперёд и неистово закорчился от боли.

Барон опустил ладонь, окутанную фиолетовым туманом. Отвернулся.

– Найди всех, кто знает хоть что-либо ещё. Уничтожь всех разносчиков слухов и все улики, – металлическим, бесчувственным голосом приказал он Лерою, глядя на слугу через плечо. – А с ним... – взгляд серых, беспощадных, как сталь, глаз на краткий миг обратился в сторону раненого Хенли, – ...ты знаешь, что делать.

Джеймс Ридделл повернулся, собираясь уйти. И тут случилось несколько вещей сразу.

Хенли дёрнулся, сбрасывая верёвки с рук; в ладони его блеснуло остриё. Вскинув обезображенное огнём лицо, ориентируясь лишь на слух, он кинулся на спину барона в последней, отчаянной атаке измученного зверя.

Беззвучное: «Берегись!» застыло на губах омертвевшей от ужаса Дайаны. Но наперерез бывшему пленнику успела метнуться одна из тёмных фигур. Барон уже оборачивался, когда раздался странный звук.

Звук огромных крыльев, бьющих по воздуху...

Миг – и чудовищные крыла распахнулись, закрыв собой барона, точно оперённый щит. И кинжал, что целился в ненавистную спину, с размаху вошёл в иную плоть.

Хенли не успел отпрянуть: первая когтистая рука удержала его, не сумевшего вытянуть остриё. Вторая – вонзила в его сердце бескровные и бесплотные, как предутренний туман, пальцы...

Ночной ветер поднял спутанные космы волос, открыл чёрные глаза-жемчужины. С губ Хенли сорвался ужасающий хрип, а из груди, повинувшись силе кошмарных пальцев, потянулось странное, слабое сияние, похожее на тонкое полупрозрачное полотно.

Мгновение – и тело, что трепыхнулось последний раз, было отброшено в сторону. Крылатое существо выдернуло из себя кинжал и, смяв сияющее полотно в когтях, с поклоном подало его Лерою. Тот протянул навстречу посох. Сияние взвихрилось, метнулось к перламутровому камню и, втянувшись внутрь, исчезло.

– Отчаянный. Сумел-таки развязаться... Но глупый. Ведь у него не было никаких шансов, – заметил Лерой, посылая быструю улыбку барону. Тот не ответил, разглядывая затихший на земле труп. – Ну и ладно. От мёртвых меньше проблем. Я прав, милорд?

– Уходи, – вместо ответа прошипел Джеймс Ридделл.

Лерой в секунду вытянулся в струнку. И низко поклонился, прежде чем исчезнуть в воздушном вихре вместе с тремя существами и телом убитого пленника...

Барон ещё постоял в одиночестве, опустив руки. Но вскоре ушёл и он.

Лишь незримая Дайана продолжала неподвижно стоять в темноте. Давно обронённая, погасшая свеча валялась где-то у ног, а по кулаку, что из последних сил сдерживал так и рвущийся из горла крик, алыми змейками бежала кровь.

Глава 6. Бегство от магии

– Пожалуйста, открой! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!..

Дверь вздрогнула, словно от испуга; лязгнул отпираемый засов. В проёме появилась растрёпанная Хэтти, и Дайана, всхлипнув от облегчения, ввалилась в комнату.

– Госпожа, что...

Не говоря ни слова, Дайана крепко-накрепко заперла за собой дверь. Закончив, она обессиленно сползла на пол и съёжилась в дрожащий комок. Хэтти бросилась к ней, встала рядом на колени.

У её госпожи стучали зубы.

– Что случилось?..

Дайана с усилием сглотнула и, не выдержав больше, начала говорить. Речь полилась бешеным, торопливым потоком. Слушая её, Хэтти всё сильнее закусывала губу.

– Но хоть ты, ты настоящая?! – цепляясь за служанку, спрашивала Дайана, с мольбой заглядывая ей в лицо.

Хэтти не отвечала. Только смотрела на неё глазами больной собаки, да порывалась погладить по волосам – но всё отдёргивала руку.

– Не плачьте. Ридделлы не должны плакать, – пытаюсь ободряюще улыбнуться, наконец, сказала она.

«Каждый раз новое поколение Ридделлов становится сильнее», – вспомнила Дайана и, зарывав, размазала слёзы по лицу. Взгляд её метнулся по крохотной, тесной комнатке, что освещалась тусклым огоньком одинокой свечи. Дайана никогда не бывала здесь прежде. Стены здесь были почти полностью задрапированы тканью с искусной вышивкой. Оказывается, у Хэтти был свой дар...

...И своё наваждение.

Дайана резко поднялась, шагнула к ближайшей стене. Взгляд её вонзился в фигуру, вышитую чёрной и фиолетовой нитью.

«Я помню крылья. Я помню пламя».

– Ты знала. Да? – удивительно спокойно сорвалось с губ.

Хэтти не ответила. Дайана обернулась, чтобы увидеть, как по лицу её служанки катятся крупные, с горошину, слёзы.

– Я не могу вам ничего сказать. Не могу!

Дайана кивнула, вдруг почувствовав себя очень старой и усталой.

– Гейс, – только и произнесла она. Окинула взглядом стены, подмечая крылатые фигуры и пламя на каждом клочке ткани.

– Он убьёт меня, если скажу... – проглотив слёзы, выдохнула Хэтти. Седые патлы её прилипли к мокрому лицу.

Дайане захотелось закричать. Но она лишь до боли зажмурила глаза, стиснула кулак, покрытый засохшей кровью.

– Я переночую у тебя. Можно? – помедлив, несмело спросила Дайана у Хэтти.

Крохотный кивок.

...Дайана лежала спиной к тихо посапывающей служанке и всю ночь смотрела в темноту.

На следующий день, ближе к полудню, барон Ридделл позвал Дайану с ним отобедать.

Хотелось отказаться. Притвориться больной. Сделать всё, что угодно, лишь бы не ходить туда, не говорить, не видеть...

Но пальцы Хэтти уже расчёсывали спутанные волосы, вплетали в них серебряные и синие атласные ленты, закрепляли косы-петли вокруг ушей. Дайана стояла как истукан, позволяя себя одевать и прихорашивать – очень прямо, с белыми губами, стянутыми в ниточку, – и чувствовала себя рыцарем, что вот-вот отправится на войну.

Да только в отличие от настоящего рыцаря она совершенно не знала, что делать.

Барон уже сидел за столом. Заметив вошедшую в зал дочь, он мазнул по ней привычно-быстрым взглядом и молча указал на место рядом с собой. Дайана подошла. Чинно села. За плечом в мгновение ока вырос слуга, поднёс воду для омовения рук – и Дайана чуть не шарахнулась от него, словно от прокажённого.

Внутренности будто скрутил железный кулак. Но сила воли взяла своё: на каменном лице Дайаны не отразилось ни намёка на страх или отвращение. Она спокойно омыла руки и заглянула в блёклые, как у снулой рыбы, глаза слуги. Они, как и всегда, ничего не выражали.

«Это иллюзия. Морок. Только и всего».

Дайана взяла кусок пшеничного хлеба. Безотчётно разломала его, проглотила пару кусочков и больше есть не стала. Пальцы мяти крошки, скатывали маленькие, с ноготь величиной, комки. Выдавали всё нарастающее беспокойство.

– Я скоро уеду, – без всяких прелюдий произнёс Джеймс Ридделл.

Дайана коротко кивнула. Раздавила хлебный комочек, как вошь. Сутки назад эта новость заняла бы все её мысли, болезненно отдалась бы в сердце. Но в этот раз...

– Но в этот раз я возьму тебя с собой, – договорил отец.

Теперь сохранить бесстрастность не удалось. Дайана повернулась к барону всем лицом. Увидела устремлённый на неё, выжидающий взгляд. Поймала своё крохотное отражение в серых, как пепел, глазах и выпалила вопрос:

– Куда? Зачем?

Барон моргнул. Отвернулся, взял в ладонь серебряный кубок.

– А вот это тебе знать пока не обязательно.

Хотелось задать ещё тысячу вопросов. Прокричать, до эха проорать их прямо в это безмятежное, словно запертое на сотню замков, лицо. Выбить из руки треклятый кубок, который украл у неё его внимание, содрать со стола скатерть, опрокинуть скамью...

Но Дайана лишь уткнулась взглядом в тарелку. Замолчала. И продолжила сидеть. Она была тиха, почти незаметна. Холодна. И старательно делала то, чего

от неё ожидали.

Дайана смотрела на своё отражение. Отражение нагло, в упор, глядело в ответ: опалово-голубые глаза; синее, как грозовое небо, платье; богато украшенный пояс, кисти которого болтаются у бедра...

«Каждый раз Сила впервые проявляется в полную мощь после шестнадцатилетия».

Рука сжалась, царапнула ногтями мягкую, податливую ладонь.

«Это произойдёт с ней. Уже очень скоро».

Дайана зажмурилась, и девушка в зеркале, теперь невидимая, тоже сомкнула веки.

«Книга Джеймса». Лерой и его крылатая, неведомая жуть. Колдовские печати и колдовское пламя. И пленник. Этот несчастный пленник, наказанный неведомо как и неведомо за что – всё это казалось каким-то нереальным, неправильным. Кошмаром, от которого она никак не может проснуться.

Дайана открыла глаза, прошлась по комнате так, что взвился длинный подол. В поле зрения мелькнул потёртый томик с историей Моргейны, и губы дёрнулись, словно в рот попала какая-то гадость. Перед глазами вихрем промчались все фантазии, все эти глупые, придуманные рассказы и мечты о героизмах отца, о его трудной, каждодневной борьбе... Все эти приключения, что происходили только в её голове, потерявшей рассудок от беспросветного одиночества и скуки... Жизни взаперти...

Скрежетнув зубами, Дайана вырвала скрепляющие косы заколки, выдернула ленты, разворошила пальцами волосы. Моргейна, Моргейна... Это ведь тебе он служит? Или кому-то другому?

У девушки в зеркале прыгали губы. По лицу, точно рябь по воде, то и дело проходила дрожь. Дайана отвернулась, обхватила себя руками.

«В этот раз я возьму тебя с собой».

Нет никаких гейсов, нет и в помине не было... Да с чего она вообще взяла, что ей нельзя, что ей смертельно опасно покидать Хокклоу?! Только слово отца, только сила привычки... Только нелюди-слуги, что повинуются колдовству и следят за ней день и ночь.

Дайана подошла к окну. Взглянула на тёмную, шумящую листвой армию деревьев, плотно окружившую замок.

«Я знаю, кого ты прячешь за этими лесами, среди этих проклятых башен...»

Фиолетовая вспышка. Рывок. Смерть.

Дайану пробил озноб. Она сжала руки сильнее.

«Сила... проявляется...»

Но она не хочет никакой Силы! – хлестнула внезапная мысль. Лбу стало жарко, зубы оскалились. Если то, что умеет барон, это Сила, она не желает ей обладать!

– Я не убийца, – процедила Дайана сквозь зубы и повторила – уже громче, на всю комнату: – Не убийца!

Она – не он.

Иссиня-чёрные, не тронутые сединой волосы. Гипсовая маска-лицо. Твёрдые, холодные пальцы, что чуть тронули подбородок – и исчезли.

Он никогда не обнимал её, не гладил по волосам. Словно она была какой-то грязной, неприкасаемой... Он научил её ездить верхом. Писать, читать, открыл сокровища библиотеки – и, сделав это, под конец оставил совсем одну. Оставил, будто потеряв к дочери всякий интерес. Но теперь она вновь интересна ему – своей пробуждающейся Силой.

Дайана опустила голову. Но вскоре подняла её, приблизилась к зеркалу, шагнув к отражению вплотную... Шестнадцатилетняя наследница Ридделлов, которая

недавно не боялась никого и ничего, была бледнее полотна. Под глазами залегли тени, у губ появилась незнакомая угрюмая складка. Волосы были растрёпаны, всклокочены, как грозовая туча. Настоящая ведьма.

Минута, вторая – и на хмуром лице проступила внезапная жёсткость. Из зеркала на неё смотрела уже не она. Джеймс Ридделл.

– Я не поеду с тобой. Я убегу, – сказала Дайана.

Побег требовал тщательной подготовки и полной секретности. Решение сбежать было твёрдым, бесповоротным – и всё же нутро Дайаны то и дело сжималось от страха неизвестности и навязчивой тревоги. Что ждёт её за пределами замка? Похож ли Альбион на то, о чём она читала в книгах? И как, как в нём надо выживать?..

Но всё это было второстепенным. Главная задача состояла в том, как ускользнуть из Хокклоу незамеченной.

Поначалу это казалось невозможным: миновать охраняемые ворота, подъёмные решетки, внешний двор, новые решётки и ворота без посторонней помощи и лишних звуков было крайне сложно. Но затем Дайана вспомнила о ходе.

Когда-то она отыскала в библиотеке карту, что, без всяких сомнений, была нарисована рукой её далёкого предка. Карта была ветхой, в ней не хватало кусков, однако, многие комнаты и потайные проходы замка Дайана обнаружила именно благодаря ей.

Если верить карте, один из ходов вёл за пределы Хокклоу: поворачивая то тут, то там, сужаясь и разветвляясь, он выполнял роль спасительного, отходного пути на случай осады. Как-то раз Дайана проникла в него и даже прошла десяток шагов. Но быстро повернула назад, вспомнив, что не может оставлять замка...

Теперь она знала, что это не так.

Стоило Дайане вспомнить о ходе, она чуть ли не бегом отправилась туда на разведку. Она миновала то место, откуда в своё время повернула назад, радостно прошла вперёд, удивляясь тому, как же всё получилось просто...

Но вскоре потемнела лицом: дальнейший путь был заблокирован камнями.

Дайана со злостью пнула один из валунов. Чертыхнулась, зашибив палец, но, погоревав ещё немного, закрепила свечу на полу и стала освобождать проход. Руки, непривычные к грубой и тяжёлой работе, скоро покрылись припухлостями и ссадинами. Но усердие, в конце концов, было вознаграждено: вспотевшая, лохматая Дайана улыбнулась во весь рот, когда один из откинутых камней открыл за собой пустоту. Завал оказался не таким большим, как показалось ей вначале. Несколько дней работы – и путь будет открыт.

Оставалось надеяться, что ход не окажется совсем заблокирован дальше... не обрушится над её головой...

...А ещё – что барон не придёт за ней раньше, чем она сбежит.

Дайана в который раз собирала и разбирала путевой мешок. Он был не так уж велик и включал только самое, на её взгляд, важное: небольшой бурдюк с водой, сушёные фрукты, сухари, хлебные лепёшки и жёсткие полоски вяленого мяса в полотняном мешочке – то, что она сумела незаметно вынести из кладовых; сменное бельё, несколько запасных рубашек и сорочек из тонкого льна... А ещё – пригоршню драгоценностей и украшений, которые Дайана, за неимением денег, хотела использовать во внешнем мире: жемчужную сеточку для волос, вышитый золотой канителью пояс; пару колец, в которых искрились сапфиры, будто зажатые в когтистых «лапах», и увесистый, с голубиное яйцо, опал, внутри которого застыли замысловатые прожилки цвета радуги.

Подумав, Дайана встала с кровати и присела у крытого ковром сундука. Открыла его и, порывшись среди тканей, что так и цеплялись за руку, вытащила большой, с ладонь, серебряный крест.

Серебро холодило кожу, кровь быстро пульсировала в висках. Этой находке было уже много лет: Дайана случайно отыскала крест в одной из потайных

комнат, да так и оставила его себе, ничего не сказав отцу. Причиной было смутное детское воспоминание: когда-то она уже находила подобную вещицу, только из потемневшего, как от огня, дерева. На том кресте тоже был вырезан человек: худой, с остро-торчащими рёбрами, кротким, но измученным лицом...

«Кто это?» – помнится, удивлённо спросила она.

«Никто», – побелев скулами, ответил Джеймс Ридделл и властно протянул к её находке руку.

Дайана никогда больше не видела того креста. Но затем нашла этот. А давеча...

На груди, среди запylённой одежды, сияло нечто серебряное.

– Хенли, – произнесла Дайана и стиснула держащую крест руку. – Хенли, Хенли, Хенли...

Неведомый оберег, некое божество? Дайана не знала, что это на самом деле. Но ведь Хенли оно всё равно не спасло. Потому что, безусловно, было Мёртвым. Вряд ли оно будет как-то полезно ей.

Но рука всё не отпускала странную серебряную вещицу. И, когда Дайана готовилась отойти ко сну, крест уже покоился на дне путевого мешка.

...Ночью опять навалился страх. Удушливый, невыносимый. Дайана таращила глаза в темноту и крепко сжимала зубы, чтобы не закричать. Шестнадцать лет. Шестнадцать лет в замке, в этом холодном замкнутом мирке, к которому она так привыкла, непрерывно крутились в воспалённом мозгу. Что она будет делать? Там? Одна?.. Перед глазами закрутились неясные фигуры: вот золотоволосый Артуриан и Огненная дева, вот седая Моргейна и её Двенадцать у кровавого Котла, с узорами из краски – вайды на фарфорово-белых лицах...

Дайана мотнула головой, волосы змеями прошуршали по подушке. Нет, это фантазии, всё фантазии... В этом невиданном, далёком и чужом мире всё может быть по-другому. Совсем-совсем по-другому.

«А ведь ещё не поздно остаться...»

Лёжа, Дайана вцепилась руками в волосы. Напряжённо прислушалась к себе, пытаясь подстеречь пробуждение Силы. Вдруг она совсем не то, что Дайана думает? Вдруг это не так уж плохо? Она не поймёт, пока не почувствует. Не ощутит, каково это – владеть колдовским даром...

Дайана вытянула вверх слегка дрожащую руку – так, как в её фантазиях всегда вытягивала руку Моргейна. Повелительно и бесстрашно.

Всего одно слово родит пламя. Всего один изгиб тонких губ – и на землю обрушится дождь.

Рука бессильно упала.

«А ведь ещё не поздно остаться...»

Дайана зажмурилась и заставила внутренний голос замолчать.

– Я всё равно убегу, – упрямо прошептала она.

Глава 7. Гроза на Южной башне

У линии горизонта сверкнуло – словно небо, ухмыльнувшись, показало заострённый клык. Утробное рычание, что раздалось следом, вспугнуло вороньё, прикорнувшее на жилистых ветвях дубов. Гроза близилась, гроза была на подлёте. Пока что всё складывалось хорошо.

Дайана отошла от узкого окна. Оделась в привычное мужское платье, туго подвязала волосы кожаным шнуром. Закрепила на поясе кинжал в потёртых ножнах и, помедлив, окинула взглядом комнату.

Чем дольше медлить – тем сложнее уходить. Пора!

Закинув на плечо путевой мешок, Дайана тихонько выскользнула из комнаты и пошла по темнеющему коридору. Вечер вот-вот перейдёт в ураганную ночь. Её

нескоро хватятся. «А ливень смоем все следы», – думая так, успокаивала себя Дайана.

Ей повезёт. Обязательно повезёт. Она скроется в непроходимых лесах, переждёт все поиски. Сумеет добраться до какого-нибудь города, купит себе коня, а потом... Потом фантазия обрывалась, но Дайана, от души стараясь бодриться, цеплялась за мысль, что всё непременно будет хорошо. Она старалась не думать о Тёмных – Великих и Малых – которые могли подстергать её во внешнем мире.

Шаг за шагом Дайана продвигалась по тихому замку. Взгляд невольно скользил по сторонам, выхватывал из сумрака знакомые предметы, задерживался на них, будто зная, что Дайане сюда больше никогда не вернуться. Вот гобелен с атакующим ястребом, за которым ведёт потайной ход к прохладным кладовым... Колодцу, что принял и исполнил её желание... Вот малая зала, в которой она сидела у жаркого, гудящего камина долгой зимой... Вот...

Движение в темноте.

Дайана резко остановилась, отпрянула. Сердце подскочило, забилося где-то в горле, как яблоко, проглоченное целиком.

Дайана осторожно выглянула из-за угла. Руки похолодели, словно их полностью погрузили в глубокий сугроб, стоило ей разглядеть высокую, ужасающе-знакомую фигуру, что безмолвным часовым скользила туда-сюда по коридору.

Чувствуя себя так, будто едва не оказалась в ловушке, Дайана отступила, стараясь двигаться как можно бесшумней. Свернула в другой коридор и побежала.

«Они в замке, они в замке, они в замке!..» – панически крутилось в мозгу.

Дайана заставила себя остановиться. Прижала руки к лицу. Как теперь пробиться к её тайному ходу?

«Думай. Думай!»

Пройти по северной лестнице. Потом коридор, тайная комната, из неё – узкий проход, огибающий запретный участок. Миновать его – и она свободна.

Дайана сглотнула вязкую слюну, побежала...

Но, завернув за угол, налетела на Хэтти.

– Госпожа!..

– Молчи, молчи! – зашипела Дайана, отпихивая её от себя и прикладывая дрожащий палец к губам.

Но Хэтти рванула обратно, сунула ей в руки какой-то тяжёлый предмет. Блеснуло серебро.

Удивление на секунду победило панику.

– Это же...

– С его помощью ваш отец странствует по мирам, – торопливо объяснила бледная как смерть служанка. – Он поможет бежать отсюда. Держите его, ну!

Мысли окончательно сбились, запутались в хаотичный клубок.

– Но... – начала было Дайана.

Хэтти придвинулась вплотную. С неожиданной силой, до боли, сдавила руками её плечи.

– Вам надо бежать. Они пришли за вами. Они готовятся сотворить что-то ужасное!

– Хэт...

В уголках глаз служанки блеснул и погас свет.

– Барон злой. Он убьёт вас так же, как убивает всех!.. – с отчаянием прошептала она и отпустила Дайану.

Дальше всё произошло слишком быстро, чтобы это предотвратить. Хэтти метнулась к стене, на которой, в затухающем свете, темнел щит и закреплённые за ним, крест-накрест, мечи. Стремительно выхватила один из клинков из ножен, резко крутанула...

Отчаянный крик Дайаны эхом разнёсся по коридору.

Хэтти, пронзённая насквозь, повалилась к её ногам и скорчилась бабочкой, насаженной на иглу.

– Беги... – из последних сил выдохнули перекошенные, всё быстрее синеющие губы.

В конце коридора послышалось хлопанье крыльев. Дайана всхлипнула и сорвалась с места.

Пройти по северной лестнице. Потом коридор, тайная комната, из неё – узкий проход, огибающий запретный участок...

На ступеньках северной лестницы, в густеющей темноте, блеснул треугольник улыбки. Ниже вспыхнуло мягкое мерцание – бледный камень, украшение посоха.

– Моя прекрасная леди! – с видимым удовольствием воскликнул Лерой, поднимаясь на ноги, чтобы отвесить поклон.

Дайана отшатнулась и побежала, не дожидаясь, пока он выпрямится. Куда теперь? Куда?!

Она влетела в обеденный зал, врезалась животом в стол, охнула и отскочила. За пределами замка гроыхнуло – точно уронили две огромные жестянки. По черепице зашипел-застучал дождь.

Куда?

Ноги работали бездумно и быстро, в голове барабанами билось лишь одно: «Не успела. Не успела!»

Мёртвые, остекленевшие глаза Хэтти. Нарушенный гейс.

По щекам поползли слёзы. Дайана бежала, как загнанный зверь, уже не разбирая дороги, как вдруг поняла, что взбирается по винтовой лестнице. Она вывалилась на площадку Южной башни, угодив прямо под обстреливающий замок дождь, споткнулась и упала, с размаху ободрав скулу. Предмет, который, казалось, намертво прирос к руке, металлически звякнул о камень. Поднявшись, Дайана уставилась на него.

«С его помощью ваш отец странствует по мирам!»

Предмет был круглым и увесистым. Состоял из четырёх равных частей, на каждой из которых виднелось особое украшение: звезда, крест, маленькая звезда в кресте и, наоборот, крест в звезде. Части сходились в центре, что представлял собой крупную вставку из выпуклого, чёрного стекла. Вокруг стекла шёл ободок, на котором сидела стрелка из того же серебристого металла, что и сама вещица. А по краю каждой части были начертаны мелкие деления. Шкала?

Стоя у зубчатого парапета, Дайана потрясла предмет, постучала по нему пальцем – ничего не произошло.

– Помоги же мне, помоги! – взмолилась Дайана – и ощутила, как в лицо ей вонзился чей-то ледяной взгляд.

Пальцы ещё успели сдвинуть стрелку, что указывала на звезду. А потом бессильно разжались. Блеснув, предмет выскользнул из рук, чтобы, крутясь в полёте, кануть за парапет, в далёкую, пронизанную дождём, темноту...

Быстрый, сильный взмах крыльями – и тёмная тварь приземлилась на площадку башни. Встряхнулась, как мокрая птица. Вывернула шею под немыслимым углом, продолжая смотреть на Дайану глазами-бусинами... И, шлёпнув голыми ступнями, шагнула ближе.

– Назад! – рявкнула Дайана, выхватывая кинжал.

Она отступила и, прижавшись спиной к парпету, застыла меж двух зубьев.

Всё. Теперь выхода нет.

Гроыхнула дверь башни, на площадку ворвался барон Ридделл – в лице ни кровинки, свирепо трепещут ноздри. На мгновение застыл, будто не веря своим глазам, но затем тряхнул головой и решительно пошёл к дочери.

– Дайана, что...

– Назад! Или... или я спрыгну!

В дверном проёме показался Лерой. Прислонился к косяку, неодобрительно цокнул языком. Но выходить на площадку не стал – решил, что здесь слишком мокро? – мелькнула у Дайаны дурацкая, совершенно не к месту, мысль. Ветер с корнем выдирает волосы, ливень-косохлёт заливает глаза и лицо. Всё казалось расплывчатым. Ещё более страшным.

– Дайана, прекрати это немед... – вновь начал Джеймс Ридделл, делая шаг вперёд.

– Не приближайся! Я всё знаю!

Дайана лизнула и без того мокрые губы. Дёрнула дрожащей рукой, которая стискивала скользкий от дождя кинжал. Лицо её исказилось.

– Я видела... «Книгу Джеймса»! – пытаюсь презрительно улыбнуться, выкрикнула Дайана. Отец выпрямился. Застыл. – Я знаю, чего ты хочешь... Чего ты ждёшь! Моей Силы, да?

– Откуда ты...

– Я видела, как вы убили Хенли! – яростно закричала Дайана, не дав ему договорить. – Кто он? Что он сделал? И что сделал ты, тогда? Кто ты такой?!

По щекам уже давно лился не только дождь. Дайана неотрывно смотрела на отца, словно видя его впервые, и больше не могла сдерживать долго копившихся слов. Её корёжило, раздирало.

– Я считала тебя героем... А ты... ты убийца!

– Я могу объяснить, – сглотнув, наконец проговорил Джеймс Ридделл. – Но сначала уйдём отсюда. Прошу... Убери кинжал.

Дайана бешено мотнула головой.

– Объясни сейчас!

На лбу отца – на высоком, бледном, облепленном волосами лбу, – яростно забились жилки. Лерой укоризненно покачал головой, а на площадку башни, заставив Дайану вздрогнуть от омерзения, приземлились ещё два существа.

– Отвечай! Я желаю знать!

– Бойся своих желаний... – тихонько, себе под нос, пропел Лерой. Дайана резко ткнула рукой с кинжалом в его сторону.

– Кто он? Кто они все?

– Это тебе знать...

– ...совсем не обязательно, да? – перебив отца, лающе расхохоталась Дайана, которой было вовсе не до смеха. Ободранная при падении скула щипала, сыпала кровью на воротник. – Они помогают тебе колдовать? Творить твои чёрные дела? Накладывать гейсы... – горло внезапно сдавило, словно на него накинули пеньковую петлю. Дайана судорожно вдохнула и продолжила цедить слова: – Гейсы... На Хэтти... Это ведь ты наложил? Ты, да? И теперь это убило её... Убило!!!

Полустон-полувздых, что сиплым шипением вырвался из губ.

– Довольно.

Дайана ещё успела увидеть, как Джеймс Ридделл шагнул вперёд, решительно вскидывая правую руку. Успела безотчётно метнуться в сторону.

Порыв свистящего ветра выбил кинжал из пальцев, унёс куда-то в грозовую черноту. А на руке отца вдруг блеснуло фиолетовое.

«Он убьёт вас так же, как убивает всех!..»

Мысль ошпарила...

...И отозвалась силой, что незримым, горячим вихрем пронеслась мимо Дайаны, чтобы влететь барону Ридделлу прямо в лицо.

Отец вскрикнул и ещё успел прикрыть глаза локтем – когда сила рикошетом ударила в обратную сторону.

Грохот камней. Словно где-то далеко-далеко, в неведомых шахтах обрушилась порода. Спина, что потеряла опору. Исчезнувшая вмиг стена.

Дайану закрутило, подбросило... И швырнуло за парапет.

– ЛЕРОЙ! – взвыл кто-то нечеловеческим голосом.

Поздно. В ушах уже вовсю свистит ветер, тело стремительно приближается к земле. Дайана почти не ощущает его – и только падает, падает, падает... Камнем в глубокий колодец...

Поздно.

У подножья башни, в самом центре лежащего в луже предмета, блеснул свет. Маленький завиток, что поднялся из антрацитово-чёрной глубины.

«Быть может, я снова увижу Хэтти...»

Завиток раскрутился. Выбросил вверх пучок мягкого света. Осветил стремительно летящую фигуру и крылатые тени, ястребом падающие за ней.

«Хэт...»

Вспышка.

Глава 8. Беда в новом мире

Небо в загробном мире было светло-оранжевым, как бочок недозрелой тыквы. Распростёртая на земле, Дайана тупо смотрела в бескрайнюю, полную тёплого сияния высоту, чувствуя, как в голове ползут гусеницы-мысли. Боли не было. Хотя какая может быть боль, если ты – мертва?..

На руке дрогнули пальцы. Зашевелились, точно лапки не до конца придавленного паука. Нащупали нечто, похожее на траву. Зацепили, дёрнули... Поднесли к лицу. Отчётливо пахнуло зеленью. «И правда. Трава», – лениво удивилась Дайана.

Рука опустилась на то же место. Замерла. Стало быть, вот она какая – мёртвая вечность? Лежать, просто лежать под охристым небом, наблюдая, как в нём скользят сливочно-белые облака...

Спокойствие. Мир и спокойствие. Никакой боли, никаких мыслей. Никакого колдовства.

Дайана со вздохом закрыла глаза.

– Р-рав!

Что-то горячее, мокрое мазнуло по лицу ото лба до подбородка, заставив её резко распахнуть веки.

Небо исчезло. Теперь всё пространство занимала огромная, нависшая над ней волосатая морда, которая часто дышала, вывалив из пасти розовый, точно бекон, язык. У Дайаны отвисла челюсть.

– Р-рав, рав! – повторила морда ей в лицо и опасно приблизилась вновь, капнула слюной на щёки.

Сверкнули немаленькие клыки. Дайана заорала.

– Клифф! Клифф, ко мне, паршивец! Я тебя...

Морда заскулила и отодвинулась, не успев как следует лизнуть.

– Беда с этими собаками, мисс, – услышала Дайана и ошалело дёрнулась в сторону говорящего. – Он вас не слишком помял? Давайте-ка помогу...

Но Дайана отпрянула от протянувшейся к ней руки, вскочила с земли – да так резко, что закружилась голова, – и пошатнулась, чуть не полетев обратно.

– Мисс?.. Вы в порядке, мисс? – озабоченно произнёс мертвец, шагая к ней. Дайана отскочила, глядя на него во все глаза.

Мертвец был тёмн, словно горсть корицы. На плечи его, укрытые попоной ярко-малинового цвета, падали скрученные в жгуты пряди чёрных волос. Ноги, все в завитках шерсти, были бесстыдно оголены до узловатых колен, выше которых пузырились странные, сине-белые, обрезанные чулки.

Дайана попятилась. Мертвец вскинул бровь. Потом хмыкнул, пожал плечами.

– Ладно. Пошли, меховой ловелас, – обратился он к огромному псу, дёргая его за вновь пристёгнутый поводок.

Моргая, Дайана проводила их взглядом. Затем тряхнула головой, крутанулась вокруг своей оси, чтобы оглядеться по сторонам... И, охнув, осела обратно на землю.

Загробный мир... А загробный ли?

Мимо её руки, мотая кривым, как вопросительный знак, хвостом, проскочила рыжая белка. Дайана посмотрела ей вслед – и увидела неподалёку свой путевой мешок. А рядом – нечто блестящее.

«...ваш отец странствует по мирам...»

Дайана кинулась в траву, схватила, стиснула в задрожавших вдруг пальцах серебристый предмет. Стрелка указывала на одно из делений в части, где был крест с маленькой звездой внутри. Кругляш чёрного стекла посередине был по-прежнему непроницаем.

– Неужели... неужели получилось?..

Вокруг Дайаны простирался лес. Не та густая чащоба, что со всех сторон давила на Хокклоу, а огромное, похожее на сад, пространство, которое то тут, то там прорезали мощёные дорожки, лужайки, ручейки... Справа тянулось озеро, что напоминало змею; слева, поблизости, виднелась аккуратная скамья с резной спинкой.

И люди. Кругом, везде были люди.

Десятки человек валялись на лужайках, подстелив под себя пёстрые тряпки и скинутые плащи. Сидели на скамьях, уставясь в грязно-серые, мятые пергаменты... Дайана смотрела на них, чуть приоткрыв рот. До неё доносились обрывки речи – и она её понимала. Удивительные, странные и по облику, и по поведению, все они говорили по-альбионски.

Дайана закинула мешок на плечо. Бессознательно шагнула вперёд, заметив краем глаза, как на воде сверкнуло золотое блюдо света – это солнце, что неуклонно скользило к горизонту, бросило в озеро быстрый луч... Ноги неуверенно ступили на ближайшую дорожку.

– Поберегись!

Резкий, истошный звон. Спину Дайаны обдуло внезапным ветром. Вскрикнув, она отпрыгнула в сторону, и мимо по дорожке стрелой промчался быстрый силуэт: шлем в разноцветных кляксах; огромные, как у стрекозы, глаза; непрерывно работающие ноги, что вертят два обода, наполненных спицами... За ним пронёсся ещё один. Потом – ещё, заставив Дайану торопливо попятиться.

– Эй, аккуратнее! – недовольно воскликнули рядом, и Дайана метнулась прочь как ошпаренная, оставив на чей-то клетчатой подстилке грязный отпечаток подошвы.

Ноги дрогнули – и пустились бежать. Подальше от этих лиц, от этих взглядов, что с каждой секундой становились всё пристальней, пугали всё больше и будто ощупывали со всех сторон...

Дайана промчалась мимо тёмной, как нефть, статуи обнажённого воина с копьём и щитом; шарахнулась от группки людей, которые чинно шествовали ей навстречу; завертелась волчком, вцепившись в серебристый, холодящий пальцы предмет.

«Что делать? Куда бежать?»

Вот огромная белокаменная арка, на вершине которой в оранжевом, затухающем свете чернеет колесница, запряжённая тройкой лошадей... И крылатая фигура, что управляет ими...

С трудом проглоченный крик, бег по новой. Громкие, возмущённые возгласы, которые раздаются совсем рядом:

– Эй, мисс!

– Мисс!

– А поосторожней нельзя?

– Видали, как носится?!

Сбоку мелькнул десяток человек, обступивших потного, краснолицего старика с торжественно воздетой рукой. Какие-то стяги и намалёванные на них лозунги.

– Апокалипсис грядет, леди и джентльмены! Апокалипсис почти на пороге! Близится время крови! Скоро, очень скоро в небесах Альбии будут кишеть тёмные ангелы...

Дайана не уловила, что было произнесено дальше. Дайана очумело неслась по упругой траве – пока перед её носом не выросли заградительные решётки. Взгляд широко распахнутых глаз метнулся из стороны в сторону, выхватил открытые невдалеке ворота. Дайана кинулась к ним очертя голову, выскочила на голую землю, покрытую странной каменистой коркой и ещё успела поражённо моргнуть при виде причудливых строений, города, что поднялся вокруг...

БИ-БИИИИИИИИИИИП!

Рёв, от которого в секунду заложило уши. Скрип и истошный визг не до конца заколотой свиньи. И огромная, чудовищная, красная тварь с дом величиной, что несётся прямо на неё.

Дайану спасло какое-то чудо. Успев заметить, как в прозрачной голове существа орёт проглоченный, мертвенно-белый человек, Дайана прыгнула, пролетела по воздуху, вытянув перед собой руки... И тяжело плюхнулась на живот. Перед глазами промелькнула череда сине-зелёных вспышек.

– Ты как, детка?

Чьи-то руки помогли подняться. Дайана встала, чувствуя, что неудержимо дрожит.

– В порядке?

Дайана с трудом сфокусировалась на поднявшем её человеке. Круглое, как луна, лицо, седенькие волосы...

– Хэт...

Она тряхнула головой.

Нет. Конечно, нет.

Женщина в одежде иного мира с беспокойством смотрела на неё и уже собиралась было сказать ещё что-то, когда Дайана переменилась в лице и, споткнувшись, кинулась в противоположную ей сторону.

– Не трогай!

Но плюгавый паренёк с грязными сальными волосами уже подхватил с земли предмет, обронённый ею при падении. В подступающих сумерках блеснуло серебро.

– Отдай!

Парень ухмыльнулся, показав недостающие передние зубы, и бросился бежать. Негодуя взыв, Дайана припустила следом.

Переулок, улица, новый переулок. Запах прелых листьев, фекалий и гниения... Кирпичная кладка стен; непонятные, кричащего цвета надписи, нарисованные широкими мазками. Хохочущие люди в кожаных куртках и плащах, платьях – коротких и облегающих фигуры...

Новая улица. В сердце – тысяча мелких иголок. Перед глазами – белёсая муть.

Парень исчез. Дайана остановилась, привалилась боком к живой изгороди какого-то сада. Перевела сбитое напрочь дыхание.

– Проклятье. Проклятье! – выкрикнула она и вдруг сама испугалась, насколько громко это у неё вышло.

Вокруг стояла подозрительная тишина. Хотя, почему подозрительная? – попыталась успокоить себя Дайана. На город медленно, неуклонно опускалась ночь. Все прячутся по домам, взбивают сладко пахнущие подушки. Все...

...Не все.

В начале улицы раздался взрыв грубого смеха. Свет неяркого огня фонаря высветил припозднившуюся компанию, вид которой Дайане совсем не понравился. Слишком много людей, слишком громкие выкрики, слишком...

– Эй, смотрите-ка! Вот это цыпа!

Потребовалась пара секунд, чтобы понять: имели в виду её. Дайана попятилась, развернулась.

– Куда?!

Но Дайана уже сорвалась с места – так быстро, насколько ещё хватало сил. Мешок отчаянно запрыгал на спине.

И снова улицы, переулки, вывески... Какие-то трубки, свёрнутые в загадочные слова, внутри которых полыхает яркое, до рези в глазах, пламя... Быстрые металлические монстры, что с гулом и скрежетом несутся по дорогам... Красные и зелёные огни на перекрёстках...

Шнур, который сдерживал волосы, развязался и, скользя по спине, улетел далеко в темноту. Освобождённые пряди тут же разметал ветер. Не успев замедлиться, Дайана копьём влетела в толпу, галдящую у витрины, залитой неестественным светом; ринулась дальше, испуганно отскакивая от припозднившихся людей. Сердце болезненно колотилось о рёбра, скулы сводило от напряжения, не получавшего разрядки.

Место у живой изгороди давным-давно осталось позади. Но Дайана продолжала гнать вперёд, сворачивая то в одну сторону, то в другую, петляя, как очумевший заяц...

Запах воды и внезапная свежесть, что обдала разгорячённое лицо. Река, что заискрилась бликами по правую руку.

Дайана не остановилась. Ей было страшно останавливаться.

Фонари – яркие и тусклые, дающие много света и еле живые... Тёмные коробки-дома. Пустые улицы. Пустой переулок...

И – так резко, что она едва успела притормозить, – тупик.

Тупик.

Ноги задрожали, готовые подломиться и бросить её на землю. Стоя к тупику лицом, Дайана обессиленно опёрлась о кирпичи обеими руками, удержалась. Под ногами шуршало и чавкало, ноздри дёргались от запаха гнили. Неудержимо потянуло спать.

Дайана так и уснула бы – свернувшись комочком в самом вонючем, самом отвратительном уголке здешнего мира – да только спать ей позволено не было.

Позади раздался шорох. Смех.

Дайана обернулась и вскрикнула, увидев застывшую в переулке фигуру.

– Привет, сладкая.

В полутьме чётко блеснули кинжально-острые клыки.

– Какими судьбами в наших краях? Да так поздно?

Дайана не ответила. Чувствуя угрозу каждым волоском, Дайана смотрела на незнакомца и бледнела всё сильнее.

Он был странен и страшен: по бритой голове шёл жёсткий гребень кричаще-жёлтого цвета, горло стягивал шипастый ошейник, а на высоких, прошнурованных ботинках поблёскивал металл. Ноги были прикрыты какой-то рваниной, разлохмаченным тряпьём голубо-синего цвета; выше виднелась жилетка из красноватой свиной кожи, надетая прямо на голый торс. Руки бугрились мускулами и там, где их не покрывала густая вязь тёмной краски, белели, как мучной червь.

Глаза же были ярко-алыми. И, глядя в них, Дайана непроизвольно скользнула рукой к тому месту на поясе, где совсем недавно висел кинжал.

– От таких, как я, простые клинки не спасают, – самодовольно осклабился незнакомец, заставив Дайану крепче сжать зубы.

«Он прочитал мои мысли! Прочитал!..»

– Да, сладкая. Несомненно, прочитал, – добавил незнакомец, делая ленивый шаг вперёд.

Дайана лихорадочно отступила, вжалась спиной в стену.

– Что тебе нужно? – хрипло выпалила она.

Губы на блёклom, цвета вымоченной рыбы, лице растянулись в широченную острозубую улыбку.

– Чутok твоей крови, сладкая. Промочить горло. Только и всего.

В памяти вспыхнула книга о Малых Тёмных, бешеным вихрем перелистнулись страницы.

Клыки... Кровь... Живой мертвец...

Вампир.

Маленький, еле заметный шажок в её сторону.

– Не подходи! – вскричала Дайана. – Не подходи или я...

– ...или ты – что? – в открытую усмехнулся вампир, складывая на груди мускулистые руки.

Что же, что же, что...

Никакого оружия. Никакой защиты. И только неведомая Сила, что спящей, коварной заразой сидит глубоко внутри...

«Как разбудить её вновь, как?!»

У Дайаны запрыгали губы. Казалось, она снова падает с высоты Южной башни: беспомощная, одинокая, ждущая неотвратимой гибели... Но это было давно. Сейчас же, стоя в зловонном переулке со смертью лицом к лицу, Дайана совсем не хотела умирать.

«Вечность – наш удел. Бесстрашие – наша сила...»

Наследница Ридделлов скоро отправится в вечность. Здесь нет принца Артуриана, который ей поможет. Его нет. Может, и вообще никогда не было.

Вампир вразвалочку пошёл вперёд.

«Бесстрашие...»

Дайана выпрямилась. Широко-широко раскрыла глаза.

Надо умереть достойно. Надо...

– Финниган пришёл не зван... Прошмыгнул, как таракан... – вдруг негромко пропел кто-то.

Глава 9. Пленница вампиров

Глаза. Летнее небо над Кайт-парком. А в расширенных зрачках – страх... Свежая ссадина на правой скуле. И стук крови, как пулемётная очередь...

Он ещё успел мимоходом отметить всё это, когда Финниган крутанулся волчком и задохнулся от гнева:

– Ты!..

– Ага. Салют, Финни, – улыбнулся Дориан, смахнув несуществующую пылинку с тёмного, черничного цвета, рукава.

Потом окинул ехидным взглядом воинственно-торчащий ирокез. Улыбка произвольно стала шире.

– Сменил цвет? Зря. Теперь ты похож на весенний одуванчик.

Издав невнятное рычание, Финниган подскочил вплотную, ненавидяще выдохнул в самое лицо:

– Вали отсюда! Я первый её нашёл, понял? И...

– ...и делиться со старым другом не намерен. Ну-ну, – скорбно вздохнув, перебил Дориан, глянул на девчонку через его плечо. Напуганная, алебастрово-белая, она дёрнулась под взглядом.

– Я выпью её до дна, и ты не получишь ни капли! – ощерился Финниган, перехватывая его взгляд. – Так что проваливай!

– Ей же от силы лет пятнадцать... – медленно проговорил Дориан.

Финниган грубо хохотнул.

– И что?

– Отпустил бы ты её. Пускай бежит.

Рожка Финнигана перекосилась. Челюсть отвисла, показав увенчанный кольцом язык.

– Пускай бежит? – недоверчиво повторил Финниган. – Пускай бежит?! Дрейк, ты и впрямь двинулся?

Глаза Дориана ярко блеснули. Девчонка, пользуясь тем, что на неё почти не смотрят, понемногу скидывала с себя цепенящий страх: вот уже отлипла от стены и бочком, бочком, начала пробираться к выходу из переулочка.

«Отлично. Продолжаем».

– Значит, правду говорят, что ты...

– Я пока что в своём уме, дорогой Финни, – громко рассмеялся Дориан. – А вот ты, похоже, подзабыл кое-что. Вернее, кое-кого.

Дориан рывком стянул с правой руки перчатку со срезанными пальцами и торжественно, глумливо продемонстрировал Финнигану ладонь. На красноватой, словно опалённой коже, белел нетронутый участок: единственная, чёткая буква.

– А. Аббат, – весело прочитал Дориан и опустил руку. – Дошло?

Финниган с чувством выругался, стиснув кулак, на ладони которого, насколько Дориан помнил, имелась точно такая же отметина.

– Любой человек, пойманный на этой территории, принадлежит ему. И должен быть приведён к нему, – с лёгкой полуулыбкой напомнил Дориан. – Так что у тебя только два варианта: отпустить – или проводить. Лично я склоняюсь к первому. Возни меньше.

Девчонка пробиралась к ним: медленно-медленно, закусив побелевшую губу. Надо хорошенько надавить на Финнигана, отвлечь всё внимание на себя...

Финниган уступать не хотел.

– Я засёк её далеко отсюда! – клацнув зубом, выпалил он. – Это не считается! Добыча – моя!

– Что, так охота укусить девочку? – будто не услышав его, вскинул бровь Дориан. – Тогда и Распутная Бэтти придётся тебе по вкусу...

Как и ожидалось, лицо Финнигана в секунду стало пепельно-серым. Даже ирокез, стоявший как деревянный от обильного лака, немножко сник и обвис.

– О да, в её объятиях ты быстро забудешь про голод. Пара часов в тесном общении – и ты станешь ещё уродливее, чем сейчас. Пара ночей – и ты и вовсе кучка праха...

– Ты всё гонишь, – лизнув верхнюю губу, прохрипел Финниган. До хруста сжал татуированные кулаки. – Аббат не будет наказывать из-за такой мелочи!

– Будет, ещё как будет, мой милый Финни, – с ухмылкой возразил ему Дориан. – Это ведь не крикет. Ты играешь не по правилам. А их надо соблюдать.

– Да плевал я... Эй!

Всё произошло быстро. Девчонку, что подобралась вплотную, выдал пульс. Она оказалась замеченной, застыла, как оленёнок, угодивший в свет фар, и Финниган хищно дёрнулся в её сторону, чтобы сцапать...

Лоб Дориана со всего размаху вдарил ему в переносицу. Острый носок лакированной, винного цвета туфли что есть силы врезался в голень. Финнигана отшвырнуло назад. Он влетел головой в кучу старых лотков от овощей и остался лежать, погребённый под ними. Ноги в линялых, рваных джинсах дрогнули пару раз и обмякли.

– Второй нокаут за ночь. Непло... – самодовольно усмехнувшись, начал было Дориан – и осёкся.

Девчонка, которой сейчас надлежало бы удирать сломя голову, стояла на том же месте и пялилась на него во все глаза.

– Чего уставилась? – грубовато осведомился Дориан, напуская на себя высокомерный вид. – Беги давай. Эффектно, знаю. Но, уж поверь мне, долго он так валяться не будет.

– Благодарю тебя! – сипло выдохнула девчонка. И, наконец, пустилась бежать.

Дориан проводил её прищуренным взглядом. Что за акцент? Камбрия? Каледония? Впрочем, эта мысль быстро ушла: позади затрещали раскидываемые лотки. Послышалось утробное рычание.

Дориан повернулся, чтобы увидеть, как Финниган – пошатываясь, смахивая с себя остатки щепок и кусочки гнилых овощей, – поднимается на ноги.

– Где... Где она...

– Без понятия. Кстати, у тебя петрушка в волосах. Весьма симпатично.

– Ты... Посмел... Это всё ты!.. Ты отпустил её! – Финниган оскалился, приготовился к атаке. – Это была моя кровь!..

– Значит, не судьба, Финни, – с холодной улыбкой ответил Дориан и пошёл к выходу из переулка.

Финниган рванул следом.

– Двуликий уб...

Дориан обернулся. Да как-то так, что у Финнигана вмиг пропало желание договаривать.

– Вот и славно. Лучше не произноси того, что будет неприятно и мне, и тебе.

Финниган остался на месте, заиграл желваками. Дориан глядел на него вполоборота, чувствуя, как внутри нарастает мрачное удовлетворение. Всё-таки приятно знать, что ты можешь вогнать не трусливого вампира во страх. Репутация, как-никак.

Но тут лицо Финнигана переменилось. Он моргнул, увидев нечто поверх плеча Дориана. И вдруг издевательски захохотал.

Рядом раздались голоса:

– Эй, Финниган! Двуликий! Посмотрите-ка, что за пташку мы поймали для Аббата!

Дориан медленно повернулся...

Посреди улицы стояли четверо вампиров. В руках у них извивалась знакомая, похожая на призрак, фигурка.

Финниган неспешно прошёл мимо Дориана, не забыв основательно двинуть его плечом. Ухмыляясь, встал напротив пленницы. С нажимом провёл по болячке на её скуле пальцем и цепко взялся за подбородок.

– Добегалась, сладкая?

Мотнув головой, девчонка плюнула ему в лицо. Грязно ругнувшись, Финниган отпрянул. Вампиры загоготали.

– Злючка!

– Ты поаккуратней, Финни, а то ведь пальцы откусит!

– Аббат научит тебя манерам, – утерев лицо, прошипел Финниган и обвёл вампиров яростным взглядом. – Чего застыли? Скоро рассвет. Пошли!

Девчонка иступленно забилась. Взгляд её метнулся к Дориану, который каменным истуканом стоял на том же месте. Он видел, как на бледном лице загорелась слабая надежда.

– Пожалуйста... Пожалуйста!..

Девчонку грубо тащили вперёд. Один из вампиров обернулся.

– Двуликий, чего это она?

Финниган довольно оскалился, но смолчал. Глаза Дориана были темны и бесстрастны. Он передёрнул плечами.

– Да кто её знает, – сдержанно ответил Дориан, рассматривая короткий меч, что висел на поясе вампира в потёртых ножнах. Все четверо были отменно вооружены. У него же не было с собой ни одного завалящего кинжала. Сегодняшней, последней ночью он гулял безоружным.

Скоро рассвет.

Дориан вытащил из кармана часы, откинул крышку. Девчонку оттаскивали всё дальше и дальше по улице, ещё немного – и отправят напрямик в Кроличью нору. Всё как всегда. Ничего нового.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Четверо. И Финниган, пятый.

Дориан рассеянно подкинул брегет в руке.

Пятеро против одного. Атака посеребрёнными клинками...

И почему сегодня он отказался от оружия?..

...Остралия, вот почему.

Ведь через пару часов его здесь не будет...

Если, конечно, он не вяжется в драку.

Тёмные глаза сузились, глубокая морщина пересекла лоб. В асфальте открылся люк. Нора готовилась принять жертву. Девчонка упиралась – отчаянно и жалко. Бессмысленно. Куда ей тягаться против пятерых?

Густо-фиолетовое небо начало светлеть. Становиться нежным, лавандовым. Дориан посмотрел ввысь, хлопнул по нагрудному карману, где томился билет, – и принял решение.

Последний крик.

– Пожалуйста!..

«Значит, не судьба».

Дориан отвернулся и бодрым шагом пошёл прочь.

...За его спиной вампиры, отправив девчонку вниз, по одному запрыгивали вслед за ней в Кроличью нору.

Глава 10. В лабиринтах под городом

Дайана летела по извилистому тоннелю: не понимая, где верх, где – низ, чувствуя, как желудок то и дело подпрыгивает, грозя выскочить через вопящее горло... Её бросало из стороны в сторону, закручивало и швыряло так, что казалось, из неё вот-вот вышибет дух. Где-то вдалеке слышались знакомые голоса, азартные выкрики и гнусное улюлюканье: Дайану преследовали даже здесь, и стремительный полёт неизвестно куда становился ещё страшнее.

Впереди замерцал холодный свет. Дайану со свистом вышвырнуло из тоннеля и как следует приложило о некую стену. Перед глазами вспыхнули разноцветные круги; они бешено затанцевали и так же быстро съёжились в точку. Веки дрогнули. Дайана увидела цепь огней, которая шла на далёком тёмном потолке: это они испускали мертвенный, неестественный свет, словно огромные, бескрылые и неподвижные светлячки. Её нестерпимо затошнило.

Рядом бухнуло. Потом ещё четыре раза.

– А ну-ка, ну-ка... – послышался до ужаса весёлый голос, и Дайану рывком поставили на ноги.

Длинная кишка тоннеля – прямого, уходящего вдаль. Пять пар бруснично-алых глаз вокруг. И цепкие, жёсткие пальцы, что гвоздями впиваются в предплечья.

– Пошла!

«Вечность – наш удел. Бесстрашие – наша сила. Вечность – наш уде...», – всё крутилось в голове по кругу. Дайана брела вперёд, чувствуя, будто на её налитые свинцом ноги давят огромные, незримые кандалы. Перед глазами маячил бритый затылок Финнигана, надвое разрезанный желтушным гребнем: он возглавлял группу, отшвыривал пискливых крыс, что попадались ему под ноги, и часто оглядывался назад, на неё, чтобы вонзиться злым и голодным

взглядом. Двое держали её за руки с обеих сторон, ещё двое – замыкали шествие.

Бежать не было сил. Да и некуда. Дайана не имела ни малейшего представления, где она может быть, и совсем не удивилась бы, узнав, что это совершенно особый, подземный мир. Адское подземелье.

Вспомнился другой вампир. Кареглазый, патлатый, с презрительной миной на длинном, скуластом лице.

«Чего уставилась? Беги давай».

Беги... А ведь всё было так просто. Несмелая радость свободы, летящий бег стремглав...

Плен. Мольба, от которой теперь так стыдно. Ридделлы не просят. Ридделлы только берут. По праву и...

Дайана пошатнулась, вновь выплыла из смутного забытья, когда её резко встряхнули. Тоннель свернул, расширился, эхом вернул звуки шагов из колоссального пространства. Света здесь было меньше, по сизо-чёрному потолку протянулись какие-то толстые, цвета камня, верёвки. Рядом слышался странный гудёж. Стены задрожали, сверху посыпалась мелкая, точно пыль, крошка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/demidovich_yana/dvulikie-ved-mino-plamya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)